

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса.

1

«Только бы люди немного больше поняли и прославили Господа, и пусть меня проклянет весь мир!» – говорила св. Тереза Иисуса. Кажется иногда, что хуже всякого проклятия для нее тот венец святости, которым люди ее увенчали. «Люди говорят, что Тереза – святая... Но, слыша такие глупости, – я в отчаянии... Нет, делайте святыми кого угодно, если вам это ничего не стоит, – только не меня». Если Господь оказывает мне большие милости, чем другим людям, то потому только, что я слабее и ничтожнее всех». «Я самое грешное и слабое из всех созданий, бывших когда-либо в мире». «Великая милость Божия уже и то, что я не в аду, как того заслужила». «В молодости мне говорили, что я хороша, и я этому верила, потом говорили, что я умна, – я и этому верила, а теперь говорят, что я – святая, но этому я уже не верю». «Я никуда не гожусь и не понимаю, почему люди хотят, чтобы я шла не общим путем; это мне тяжело, потому что мне иногда кажется, что я обманываю всех... Я хотела бы спрятаться в такое место, где никто не видел бы меня, но эта потребность уединения у меня не от доброго чувства, а от трусости». «Я нашла, наконец, счастье, которого так долго искала: оно заключается в том, чтобы люди забыли о Терезе так, как если бы ее никогда не существовало на свете». «Господи, подумай, что Ты делаешь! – молится она, при восхождении на вершину святости. – Не забывай так скоро великих грехов моих, не проливай столь драгоценной влаги в треснувший сосуд... Не вверяй такого сокровища такому слабому, несчастному и грешному созданию, такой презренной женщине, как я!»

Бог является ей в одном видении «алмазом большим, чем весь мир, в несказанно чистом свете» «Видела я, какими страшными черными пятнами осквернили грехи мои этот Свет... и, после этого видения, не знала, куда мне деваться». «Если бы только люди знали, какова я на самом деле, то плюнули бы мне в лицо!» Это вовсе не христианское «смирение», или, по крайней мере, вовсе не то, чем кажется оно извне, а что-то совсем другое, – может быть, точнейшее познание того, что действительно есть во всяком человеке, грешном и святом одинаково, и что религиозный опыт христианства назовет первородным грехом. Святость, может быть, и есть не что иное, как глубочайшее, грешным людям неизвестное, чувство этого греха.

«Страшен Ты, Господи, для святых Твоих, потому что для Тебя одного святые они или грешны», – ужасается Лютер. Темный луч первородного греха, преломляясь, как в призме, в каждой человеческой личности, окрашивается в особый цвет – в личный грех. В чем же первородный личный грех св. Терезы? «Были для нее грехи ее гнусной трясиной, чей смрад непрестанно мучил ее», – говорит она о себе в третьем лице. Очень легко говорить о грехах своих вообще, но, может быть, мы лучше поняли бы св. Терезу, если бы она сказала нам о главном грехе своем, в частности. Слабость в ее писаниях – то, что она скрывает от самой себя и от людей свою трагедию – проблему Зла, вопрос св. Августина: «Что такое зло? Quod sit malum?» – тайну первородного греха в мире и в ней самой. Вот почему ее «обращение» ко Христу нам непонятно: мы видим только, куда она входит, обращаясь ко Христу, а откуда вышла, почти не видим. «Бог хранит для нас великие искушения... в которых человек уже не знает, не есть ли Бог диавол, а диавол – Бог», – опять ужасается Лютер. Этого-то великого искушения св. Тереза не знает вовсе, а если и знает (когда в видениях Христа не до конца верит, что это Он, а не диавол), то этого не сознает и не говорит об этом вовсе.

2

Главное свидетельство о «грешной» жизни св. Терезы дано ею самой в «Книге жизни ее», «Libro de su vida», или под другим заглавием – «Моя душа», «Mi alma». Первый список «Жизни» был, вероятно, сожжен ею самой, когда один из духовников ее, прочтя книгу, нашел, что она «внушена ей диаволом» и что сама она – «бесноватая». А список второй, по доносу в «Лютерову ереси», отправлен был в суд Св. Инквизиции, где находился около двенадцати лет. «Книга жизни моей находится в Инквизиции, – говорит сама Тереза и могла бы сказать еще страшнее: – Моя душа – в Инквизиции». Это, впрочем, может быть, страшнее для нас, чем для нее, потому что Инквизиция кажется ей непреложным судом Божиим, или, по крайней мере, ей хотелось бы, чтобы она казалась ей таким судом. Но, вероятно, бывали минуты, когда и ей делалось так страшно перед этим судом, что она скрывала от него многое. Вот почему трудно узнать

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
по этой книге действительную, святую и «грешную» жизнь св. Терезы.

То же почти, что сделал Данте для Италии, а Лютер – для Германии, сделает и св. Тереза для Испании: первая или одна из первых заговорит не на школьном, мертвом, латинском языке, а на живом, простонародном, старокастильском, *E! habla vukgar.*

«Я пишу, как говорю, – так просто, как только могу... Больше всего я люблю в писаниях моих ясность, точность и простоту». Это говорит испанский гуманист, Жуан де Вальдес, современник св. Терезы, в своем «Диалоге о языке», «*Diálogo de la lengua*». «В книге этой („Жизни“) я говорю так просто и точно, как только могу, о том, что происходит в душе моей», – скажет и св. Тереза теми же почти словами, как Вальдес. «Я ничего не буду говорить, о чем не знала бы по моему собственному или чужому опыту». Это, впрочем, ей не всегда удастся. Женское многословие – главная причина ее неудач, и это она сама сознает: «Я всегда страдала тем, что для выражения мыслей мне надо было очень много слов». «Я только умею болтать». «Я как эти птицы (попугаи или скворцы), которых люди учат говорить: не понимая слов, я их только повторяю». «Трудно говорить о самом внутреннем, а так как трудность эта соединяется у меня с глубоким невежеством, то я наговорю, конечно, много лишнего, прежде чем скажу то, что надо сказать. Часто, когда я беру перо в руки, у меня нет ни одной мысли в голове, и я сама не знаю, что скажу». «Но Бог делает, чтобы это хорошо было сказано. Если же иногда я говорю глупости, то этому не должно удивляться, потому что я от природы бездарна». «Я уже не помню, о чем я начала говорить, потому что заговорила совсем о другом, но не сомневаюсь, что этого хотел Господь. Я никогда не думала написать то, что написала». «Пусть же сам Господь водит моей рукой». «Духу Святому себя поручаю: пусть Он сам говорит моими устами». Эта молитва св. Терезы исполнилась: лучшее в ее писаниях – не то, что сама она говорит, а то, что говорит через нее Дух.

3

Город Авила в Старой Кастилии, «город рыцарей, город святых», как называли его, с восьмьюдесятью шестью зубчатыми, из красноватого камня, грозными башнями, похож на неприступную крепость. Черная, но кое-где почти всегда убеленная снегом, горная цепь Сиерра де Гредос высилась на самом краю окружавшей город, унылой, выжженной, серыми валунами усеянной равнины. Авила славилась обилием, вкусом и чистотой вод, таких прозрачных, что наполненное водою ведро или водоем казались пустыми. Также прозрачно было и темно-синее небо Старой Кастилии: глядя на него, не только чужеземцы, но и тамошние люди каждый раз удивлялись, что небо может быть таким синим.

Мрачны были узкие улочки и тесные площади города, обвеваемые ледяными ветрами с гор; мрачны дома и дворцы, но мрачнее всего церкви и монастыри. Память о более радостной жизни уцелела только в предместьи Мавров, запустевшем после их изгнания Св. Инквизицией: здесь все еще, в солнечне-тихих двориках с точеными из алебаstra, золотисто-желтыми и прозрачными, витыми столбиками, журчали фонтаны в мраморных чашах, благоухали апельсиновые и лимонные цветы под кущами лавров и мирт.

Замок благородного гидальго Алонзе дэ Чепеда, где, 25 марта 1515 года, родилась Тереза, находился против доминиканской обители Санто-Ромазо, рядом с церковью Св. Схоластики.

Родовое имя Терезы шло, по испанскому обычаю, не от отца, а от матери, доньи Беатриче дэ Агумада, принадлежавшей к одному из древнейших и благороднейших Авильских родов. Имя «Агумада», «Закоптелые», или грубее, славнее, «Копченые», – произошло от одного из предков Терезиной матери, который прославился в войне с маврами: стоя в подожженной неприятелем башне городской стены, он защищал ее от множества мавров, пока весь не закоптел и не почернел от дыма так, что сделался и сам похож на мавра.

Главным признаком Старо-Кастильского рыцарства была «чистота», «ясность», «светлость крови», *la limpia sangre*, несмешанность с кровью евреев и мавров. Чистая вера только у тех, у кого чистая кровь, – вот почему Старо-Кастильские рыцари – в том числе и Агумады, «Закоптелые», – были доблестными защитниками святой католической веры против всякого нечестия и ереси, – больше всего Иллюминатства, и новой «гнусной ереси» Лютера и Кальвина.

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
Скоро начнет рыцарские подвиги свои «вдохновенный гидальго», дон Кихот Ламанчский, El ingenioso hidalgo don Quijote de la Mancha, и главным из них будет защита веры.

Было шесть сыновей и три дочери у дона Алонзо и доньи Беатриче. Третьей, после брата своего, Родриго, родилась Тереза. «Батюшка мой был очень жалостлив к бедным и больным, а к слугам так добр, что не хотел иметь в доме своем рабов: с девочкой же рабыней одного из братьев своих, жившей у него в доме, обращался не хуже, чем с родными детьми, потому что видеть ее несвободной было ему, как он сам признавался, „невыразимо-тяжело“, – вспоминает Тереза.

Три, в детстве ее, пророческих знамения с такой точностью совпадают с тем, что будет главным делом всей жизни ее, что это похоже на чудо. Вот первое из этих трех знамений. «Чтобы читать Жития Святых, *Flos Sanctorum*, часто уединялась она с одним из братьев своих, Родриго, которого любила больше всех, потому что он по возрасту был ей всех ближе (ей семь лет, а ему одиннадцать), – вспоминает первый и лучший из всех жизнеописателей св. Терезы, Франческо де Рибера. – Сердце ее пламенело от повествований о муках и смерти исповедников Христовых так, что вскоре и сама она пожелала умереть, как они, чтобы такого же венца удостоиться». Очень простым и легким казалось ей это: только что палач отрубил ей голову, выпорхнет душа ее из тела, как птица из клетки, и полетит прямо на небо, в рай.

«В муках умереть и быть в блаженстве вечно, вечно, вечно! Para siempre, siempre, siempre!» – повторяла она, и Родриго – за нею.

С этой целью она убедила его убежать «в землю Мавров». Взяв с собою немного съестных припасов, бежали они из отчего дома. Выйдя чуть свет из городских ворот у реки Ададжи, перешли через мост и продолжали путь по большой Саламанской дороге, пока не встретился им один из дядей их, ехавший на муле, и не принудил их вернуться домой, «к великой радости матери их, уже пославшей людей искать их повсюду, потому что она боялась, как бы не упали они в садовый колодец». Маленький Родриго был так испуган гневом родителей, что извинялся тем, что его увлекла сестра, а та ни в чем не извинялась и не каялась, только недоумевала, возмущалась, и если бы умела возразить, что чувствовала, то, может быть, спросила бы: все говорят, что мучеником быть хорошо; почему же никто этого не делает, и почему ее попытка сделать это кажется такой безумной и преступной? «Лучше сломаться, чем согнуться, antes quebrar que doblar», – это, может быть, она уже тогда впервые почувствовала и этому верна будет всю жизнь.

Знамение второе: «Видя, что нам невозможно умереть за Христа, мы с братом решили спастись, как древние отшельники спасались в пустыне, и для этого начали строить из камешков в нашем саду маленькие затворы и пустыньки. Но сложенные камни почти тотчас распадались, и строения жалко рушились». «Так всякая попытка исполнить наше желание (святой жизни) оставалась бессильной». «Время еще не пришло, когда суждено было ей, воздвигая великие и нерушимые обители, восстановить среди христианских народов святую жизнь древних пустынников», – замечает Рибера.

Между этими двумя путями святости – мученичеством и монашеством, действием и созерцанием, – воля ее будет колебаться всю жизнь.

Третье знамение: в комнате ее, над изголовьем постели, висела лубочная картинка, должно быть из тех, какие можно было купить за дешевую цену на ярмарках, изображавшая беседу Христа с Самарянкой, у колодца Иакова. «Господи, дай мне этой воды, чтобы мне не жаждать вовек!» «Domine, da mihi hanc aquam», – гласила надпись на картине. Может быть, глядя на Христа влюбленными глазами, все повторяла маленькая Терезина с неутомимой жаждою: «Дай мне, дай мне этой воды!» – и умирала, и не могла умереть от блаженства. Что это была за жажда, поймет она уже много лет спустя, когда, читая в молитвеннике слова из Песни Песней: «Да лобзает Он меня лобзанием уст своих, ибо ласки Его лучше вина!» – вся задрожит и с лицом, зардевшись, как от первого поцелуя любви, подумает: «О, какая блаженная смерть в объятиях возлюбленного!.. О, приди, приди, – я Тебя желаю, умираю и не могу умереть!» И еще яснее поймет, когда Христос в видении скажет ей: «С этого дня, ты будешь супругой Моей.. Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг». Этим последним великим знамением, в детстве ее, предсказан ей главный религиозный опыт всей жизни ее – Богосупружество.

Против отчего дома Терезы находилась доминиканская обитель Санто-Томазо, где была могила Великого Инквизитора, Торквемады. «Прах о. Фомы Торквемады в этой могиле покоится. Ереси бежит, как чумы, pestem fugit haereticam», – гласила на могиле надпись. Слышала, вероятно, Тереза в детстве, рассказ об одном из последних страшных дел Торквемады, легенду о Св. Младенце. Выкрестов иудейских из города Окканьи близ Авилы обвинили, справедливо или несправедливо, в том, что они украли христианского мальчика, распяли его в ночь на Страстную Субботу, искололи ножами, выточили из жил его кровь, вынули из груди сердце, высушили его, истолкли в порошок и смешали с украденным из церкви и тоже истолченным хлебом Св. Причастия, чтобы «изготовить колдовство», от которого должно было умереть бесчисленное множество христиан и Церковь погибнуть, а Синагога восторжествовать. В 1491 году, за четверть века до рождения Терезы, судьи Св. Инквизиции судили в г. Авиле этих действительных или мнимых злодеев и восемь из них приговорили к сожжению на костре – «делу веры» – acto de fe. Шестеро покаялись, но двое, Юче Франко, двадцатилетний юноша, и отец его, восьмидесятилетний старик, остались до конца нераскаянными; страшную пытку – раскаленными докрасна железными щипцами рвали им ребра – вынесли они без стоны, без жалобы и, сгорая на медленном огне, сохранили непоколебимое мужество до последнего вздоха.

«Тоже Агумады, Закоптелые!» – может быть, прошептал, услышав об этом, Родриго, и глаза его блеснули восхищением.

«Что ты говоришь?..» – начала Тереза, возмущившись, и не кончила, – почувствовала вдруг, что он, может быть, прав. Если бы до ее сознания могло прийти это чувство, то, может быть, она подумала бы: «До какого отчаяния надо было довести людей, чтобы они совершили такое злодейство!»

Торквемада был человеком «благочестивейшим», как будто святым, потому что в самом деле любил если не Христа, то неотступную и соблазнительную тень Его, которая казалась людям тогда, и потом будет казаться, Христом. Был Торквемада и человеком «милосерднейшим», потому что в самом деле верил, что временным огнем спасает погибающих от вечного огня.

Встреча Терезы, в детстве, с Торквемадой – тоже пророческое знамение. Но если те три первых – возвещают добро в жизни ее и святость, то это, четвертое, – возвещает зло и грех. Будут преследовать ее всю жизнь в красном свете костров две черные тени – Торквемады, Великого Инквизитора, и мнимого Христа, не узанного ею Антихриста.

«Матушка моя была женщина редких достоинств, – вспоминает Тереза. – Но доброго я почти ничего не перенимала от нее, а то, что в ней не было добрым, мне очень вредило. Она любила читать рыцарские книги. Это было для нее только развлечением и отдыхом... но для меня и для братьев моих – чем-то большим... Кончить все наши дела торопились мы, чтобы предаться этому чтению, а так как отец наш смотрел на него с неудовольствием, считая книги эти дурными, то мы читали их потихоньку от него... Этот маленький грех матушки незаметно ослаблял добрые чувства мои... Прячась от отца, проводила я многие часы дня и ночи за чтением и так пристрастилась к нему, что мне нужны были все новые книги, чтобы страсть мою утолить». В эти дни начала она писать, вместе с братом своим, Родриго, рыцарский роман.

Было время, когда яснейший гидальго Алонзо де Агумада еще не видел никакого зла в рыцарских книгах. В мрачном сводчатом покое, с валявшейся в углу кучею ржавых рыцарских доспехов – броней, шлемов, щитов и мечей, – проводил он дни и ночи за чтением этих книг и едва не помешался от них так же, как Рыцарь Печального Образа, дон Кихот Ламанчский.

Дети верят в сказки, а взрослые, не только в Испании XVI века, но и всегда, везде, верят в рыцарские или им подобные книги, с тою разницей, что детям, чтобы верить в сказки, не надо сходить с ума, а взрослым надо.

Если бы друзья донна Алонзо прочли «Дон Кихота», то, может быть, увидели бы, что эти два рыцаря схожи почти во всем: был и этот, как тот, ростом высок и страшно худ, с таким же, как у того, простым и печальным лицом, с детски ясными голубыми глазами и ангельски доброй улыбкой; так и этот, подобно

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
всем гидальго Старой Кастилии, казалось бы, и в нищенском рубище, <был> благороднейшим рыцарем «яснейшей крови». Оба едва не помешались от рыцарских книг, но, опомнившись, прокляли их и хотя дон Алонзо не сжег их, но сделал, может быть, лучше: велел их отнести на чердак, на съедение крысам. И умерли оба, как добрые христиане, почти как святые. «Я уже не дон Кихот Ламанчский, а гидальго Алонзо Квиджано Добрый», – скажет дон Кихот, умирая. То же мог бы сказать, в смертный час, и гидальго Алонзо де Агумада, потому что, вплоть до имени, все у них было общее.

Может быть, в те дни, когда еще он сходил с ума от рыцарских книг, маленькая Терезина, любимая дочка его, робко, на цыпочках, входила в комнату его, и, положив ей руку на голову, он улыбался ей грустно и ласково, так, что ей казалось, что от этой руки входит в нее какая-то сила; она еще не знала, что это чудная и страшная сила Мечты. Когда же снова обращал он усталые и воспаленные от чтения глаза на недочитанную страницу, девочка все так же робко, на цыпочках, выходила из комнаты, как от только что уснувшего тяжелобольного уходят потихоньку, чтобы его не разбудить.

Как-то раз, может быть в поисках пропавших утюгов и гладильной доски или других домашних вещей, донья Беатриче поднялась на чердак и, увидев в самом дальнем и темном углу груды валявшихся пыльных книг, взяла одну из них и зачиталась ею так, что не слышала, как зазвонили к вечерне; когда же, наконец, услышала, то вздрогнула и потихоньку, крадучись, сошла вниз, в комнату свою, точно сделала какое-то недоброе дело. Но, на следующий день, опять пошла туда же, взяла начатую книгу и, спрятав ее под одежду, спустилась, боязливо оглядываясь, как воровка, в спальню свою, где почти всю ночь провела за чтением. Так же и в следующие дни ходила на чердак за книгами и перенесла их почти все, одну за другой, в комнату свою, где запирала на ключ в большой кованый сундук из-под приданого. Прятала ключ под подушку, а по ночам, вставая, читала до зари. Видела часто, как мавры едят гашиш и курят опиум: так же и она опьянялась рыцарскими книгами. Знала, что это очень дурно, но как ни боролась и ни мучилась, не могла противиться соблазну медленно и сладостно отравляться мечтой и находить в ней все, чего не было у нее в жизни.

Однажды, войдя потихоньку в спальню, увидела она, что маленькая Терезина, стоя над открытым сундуком, читает книгу с таким жадным вниманием, что не слышала и не видела, как она вошла. Броситься хотела к ней мать, вырвать у нее книгу, спасти, – но этого не сделала, может быть, потому, что испугалась и устыдилась, не зная, что сказать, когда она спросит ее, почему, если книги эти так дурны, сама она читает их? Вышла из комнаты опять потихоньку, как воровка, или хуже того.

Вскоре тяжело заболела, а когда начала поправляться, заметила с ужасом, что ключ от сундука из-под подушки пропал, но никому ничего не сказала, может быть, все от того же страха и стыда, хотя и несказанно мучилась, что Терезина ест гашиш и курит опиум, сладостно и медленно отравляясь мечтой.

Донья Беатриче вышла замуж за дону Алонзо, когда ей было лет пятнадцать, а ему за сорок. Он был вдовец с тремя детьми от первого брака, а от второго – родилось у него еще девять. Роды за родами следовали так быстро, что донья Беатриче была почти всегда больна, и ей казалось, что она всегда рождает и будет рождать. Та же судьба постигла ее, как стольких женщин: брак – убийство.

Девушки в Испании, выходя замуж, сохраняли девичье имя. Вещим оказался этот обычай для супруги дону Алонзо: замужем продолжала она быть девушкой, родившей девять человек детей. В молодости была красавицей, но годам к тридцати уже почти не оставалось следов от ее красоты, и в темных вдовьих одеждах, которые начала носить уже лет с двадцати, казалась она почти старой женщиной. Судя по всему этому, трещина давно уже зияла в супружеском счастье дону Алонзо и доньи Беатриче. Точно такие же трещины зияют почти во всяком супружеском счастье, но одни не дают им расти, а другие дают, пока не зазияет трещина так, что в нее проваливается все, как в бездну. Кажется, нечто подобное произошло и с доном Алонзо и доньей Беатриче.

Слишком хорошо знает Тереза, что «Жизнь» ее, «Душу» будут читать чужие, холодные и, может быть, злые люди, судьи Св. Инквизиции: вот почему говорит она об этой детской, как будто маленькой, а на самом деле великой для нее трагедии с матерью слишком осторожно, бледно и плоско; но чем осторожнее, тем легче догадаться о ней.

В тридцать три года тихо угасла донья Беатриче, как лампада без масла, так и не сказала никому до конца о пропавшем ключе, и дон Алонзо, видя, что она умирает с каким-то камнем на сердце, не посмел ее об этом спросить. Видела это, может быть, и Терезина, – ей было тогда четырнадцать лет, – и тоже спросить не посмела.

После смерти жены дон Алонзо еще сильнее и мучительнее полюбил Терезину, и она – его. Часто и подолгу он беседовал с нею.

Однажды, войдя к нему в комнату и застав его за чтением недавно вышедшей книги «Великая победа за морем», «Gran Conquista de Ultramar», – книга эта была теперь его любимым чтением, – и она спросила его, почему он больше не читает рыцарских книг?

«Это очень дурные книги, – ответил он и, положив ей руку на голову, сказал: – Никогда не читай их и ты, Терезина, – обещаешь?»

«А как же матушка?..» – едва не спросила она, но вдруг чего-то испугалась и молча, бросившись к нему на шею, вся прижалась к нему: может быть, вдруг поняла, что сделала с матерью, и что сделала с нею мать.

«В тех дурных и глупых книгах говорится о том, чего никогда не бывает и не может быть, а в этой – о том, что было и может быть всегда», – если бы так начал ей говорить дон Алонзо, то она уже его не слушала бы и думала бы о своем: что лучше – то ли, что было однажды и может быть всегда, или то, чего никогда еще не было, но, может быть, будет когда-нибудь? И между тем как вглядывалась она в безнадежно грустные глаза его и в еще более грустную улыбку, ей начинало казаться, что и он не знает, что лучше.

6

Между донкихотством и донжуанством существует не только в Испании XVI века, но и везде, всегда, нерасторжимая связь. Что в войне Дон-Кихот, то в любви Дон-Жуан. Меч свой подымает Рыцарь Печального Образа на исполина – ветряную мельницу – с такой же святой и безумной отвагой, с какой Дон-Жуан протягивает руку святому Каменному Гостю, и гибель обоих одинаково страшна и блаженна, потому что оба знают, что прекраснее всего, что есть и может быть, то, чего никогда еще не было, но будет когда-нибудь.

Донкихотство и донжуанство – две створы той двери, через которую и св. Тереза входит в жизнь.

Только что «глаза ее открылись на прелести Божьего мира, и люди заговорили, что и для нее был щедр Господь на эти прелести», – как донкихотство кончилось для нее, и началось донжуанство, или, вернее, донжуанство и донкихотство слились в одно – в безумную преданность невозможной мечте в «Небесное Рыцарство», Caballeria Celestial, – смешение внутренней действительности с внешнею; того, что кажется, – с тем, что есть. Маленькая Терезина с душой Дон-Кихота безумного тоже немного сходит с ума, воображая себя одной из тех «Прекрасных Дам», для которых влюбленные в них рыцари, Амадисы и Пальмерины, совершают бессмертные подвиги.

«Я полюбила наряжаться, потому что хотела нравиться, – вспоминает Тереза. – Я очень заботилась о белизне рук моих и о прическе; не щадила также духов и всяких суетных женских украшений, на которые была большой мастерицей». «Я умела говорить с моими двоюродными братьями о том, что их занимало, выслушивать их ребяческие признания в любовных делишках... Вскоре подверглась я дурному влиянию одной, часто наш дом посещавшей, родственницы. Матушка моя, видя ее легкомыслие и угадывая зло, какое могла она мне причинить, старалась выжить ее из дому, но напрасно, – столько было у нее предложений для посещений (кажется, потому, что она была слишком близкой родственницей). Общество ее было мне очень приятно... потому что она помогала мне находить развлечения, которые мне нравились». Кажется, эта разбитная, повадливая и пронырливая дамочка была одной из тех невольных и невинных сводней, какими часто бывают стареющие легкомысленные женщины. «Помнится, мне было лет четырнадцать, когда установилась наша дружеская с нею связь... Также и служанки в доме, ослепленные корыстью, помогали мне делать зло... Никакого, впрочем, смертного греха, который бы меня удалил от Бога, я не нахожу в эти юные годы жизни моей, потому что страх Божий спасал меня от него, и еще больший страх нарушить законы чести». Слово «нонга» употребляет

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org – она, что значит – «внешняя, условная честь», а не слово «honor» – «внутренняя честь, безусловная». «Но этот вечный страх за честь делал всю жизнь мою непрерывною мукою. Во многом, впрочем, если только я надеялась, что оно останется тайным, я не боялась идти и против законов чести». Если чести не потерять, значит, для девушки не быть соблазненной, не пасть, то под всеми этими глухими намеками угадывается довольно ясно какой-то любовный роман или с одним из двоюродных братьев ее, чьи «ребяческие признания» в любви, может быть, не только к другим, но и к ней самой, она так хорошо умела выслушивать, или с неизвестным маленьким Дон-Жуаном, с которым свела ее та легкомысленная родственница, невинная сводня. А если так, то, может быть, и будущая св. Тереза так же, как вся Испания, вся Европа XVI века, окажется между двух огней – между донкихотством и донжуанством, рыцарством любви небесной и рыцарством любви земной.

7

Только что начала она узнавать, что такое любовь, как узнала и что такое смерть: мать ее скончалась. «Слишком хорошо я чувствовала все, что потеряла с нею». В этом первом великом горе своем не ищет она утешения у близких – отца, сестер, братьев; знает, что люди ей не помогут, и бежит от них к Богу. «Я пошла в церковь и, пав перед изваянием Божьей Матери, со многими слезами молила Ее, чтобы Она заменила мне мать. И молитва моя была услышана: с этого дня я никогда не обращалась к Божьей матери без того, чтобы не почувствовать тотчас же Ее осязаемой помощи».

Но это было только мгновение; оно прошло, и снова начались мирские соблазны; продолжался, может быть, и тот, уже начатый, любовный роман. «Я, впрочем, не чувствовала никакого соблазна потерять честь мою.. я искала только развлечения в невинных беседах. Но и это могло быть опасным для чести отца моего и братьев.

Бог один спас меня, в те дни, от гибели... Но все это не могло быть скрытым так, чтобы не встревожить, наконец, отца моего. Вот почему он отдал меня в монастырскую школу, и дело это совершилось в величайшей тайне... Крайняя нежность ко мне отца и то, что я умела скрывать от него чувства мои, делали меня в глазах его менее виновной, и он сохранил ко мне всю прежнюю любовь».

Школа эта находилась в Августинской женской обители, в г. Авиле. «Я чувствовала, в те дни, смертельное отвращение к монашеству... но страдала не столько от этого, сколько от страха, чтобы не узнали, как я себя дурно вела... Может быть, только одно меня отчасти извиняло... то, что эта привязанность моя могла кончиться браком». Слово наконец сказано: «брак». «Двое да будут плоть едина» – эта заповедь Божия сделается для нее «соблазнами диавола». Кажется, в этой любовной трагедии юных дней Терезы – исходная точка всей духовной жизни ее: умерщвляемый, но неумертвимый пол.

«Помню, если я, в эти дни, видела, что одна из монахинь делает что-нибудь доброе, или на молитве плакала, я мучительно завидовала ей, потому что сердце мое было так ожесточено, что все евангельское повествование о Страстях Господних я читала без единой слезинки, так что бесчувственность эта приводила меня самое в отчаяние». «Спрашивала я совета у духовника моего и у других умных людей, но все мне отвечали, что я не делаю ничего противного воле Божьей». «Я просила также всех монахинь молиться, чтобы Господь, наконец, яснее открыл мне истинное призвание мое, но втайне желала, чтобы не было оно монашеством, а между тем и мысль о замужестве внушала мне страх».

В некоторых вестях, доходивших до нее из мира, «не без помощи диавола», – должно быть, любовных письмах, – старались ее соблазнить надеждой на «почетный брак», но не соблазнили, потому что мысль о браке внушала ей такой же, если не больший, страх, чем мысль о монашестве. Замуж не хочется ей так же неодолимо-естественно, как птице – летать, или рыбе – плавать: хочется любви, но не брака.

Кажется, в эти дни, воля ее снова колеблется между все теми же двумя полюсами – рыцарством небесной и рыцарством земной любви. Кто будет супругом ее – человек или Бог? Этот вопрос, может быть, уже тогда пронизал ей сердце «огнем и копьем», и здесь уже начало того, что будет главным опытом всей жизни ее, – «Прошения, Transverberatio».

В женской обители, где находилась Тереза, была монахиня, донья Мария де

Бриченко, из древнего и знатного Авильского рода, приставленная к спальне школьниц. «Через нее-то Господь и пожелал начать мое обращение... Мудрые и святые беседы ее начали мне нравиться... Снова возродила она во мне жажду вечности так, что мало-помалу начало уменьшаться мое отвращение к монашеству».

«В эти же дни Господь, чтобы приготовить меня к пути своему, послал мне тяжелую болезнь, которая принудила меня вернуться домой». Только что ей стало полегче, решили ее перевезти к сестре св. Марии де Чепеда, жившей за городом, а по дороге туда заехала она к дяде своему Пэдро д'Ортигоза, глубокому старику, после смерти жены своей ушедшему от мира, чтобы подготовиться к монашеству. «Я провела у него немного дней, но святые беседы его оставили в душе моей неизгладимый след. Истины, открывшиеся мне в детстве, снова ожили во мне. Видела я ничтожество всего и быстроту, с какою все проходит, и ужас охватывал меня при мысли, что если бы я умерла внезапно, то не избежала бы ада. Видела я также, что единственный для меня и верный путь спасения – монашество... Но, кажется, рабский страх гнал меня на этот путь больше, чем любовь... Я прочла письма св. Иеронима о монашестве и так непоколебимо решила уйти из мира, что сказала об этом отцу, и тем одним, что это сделала, я как бы уже постриглась, потому что я была так ревнива к чести слова моего, что раз я его дала – уже никакие силы в мире не могли бы меня заставить ему изменить. Но отец, сколько я ни убеждала его, не соглашался на мое пострижение. Я просила других убедить его, но и они не могли этого сделать, и все, чего они достигли, было только согласие отца, чтобы, после смерти его, я сделала все, что хочу. Но так как, слишком хорошо зная слабость мою, я себе не доверяла, то не захотела ждать... я убедила одного из братьев моих постричься (в Братство св. Доминика, в обители Сан-Томазо, в г. Авиле), и мы условились, что рано поутру, в назначенный день, он отведет меня в обитель (Зачатия или Благовещения) Incarnation, где была одна подруга моя, которую я очень любила». Так же, как семилетнюю девочкой, бежала она с братом Родриго в землю мавров, для донкихотского подвига, бежит она и теперь, двадцатилетнюю девушкой, может быть, для такого же подвига.

«Всею душою хотела я спастись и больше ни о чем не думала... Но когда выходила из отчего дома, мне было так тяжело, что, кажется, и в смертный час тяжелее не будет. Точно все кости ломались в теле моем... потому что не было у меня такой любви к Богу, чтобы победить мою любовь к отцу и прочим близким моим», а может быть, и к жениху: если так, то, в эту минуту, земной жених был ей дороже Небесного. «Я делала над собой бесконечное насилие... но знал о том один только Бог, потому что снаружи я казалась невозмутимо спокойной и мужественной».

После года монастырской жизни она опять заболела так, что эта вторая болезнь была тяжелее первой. Но, кажется, главная причина болезни была не в теле, как думает сама Тереза, а в душе, – в том «бесконечном над собой насилии», которое сделала она, уходя из дома, и продолжала делать в монастыре. Взяв ее оттуда, отец отвез ее в соседний городок Бечедас, где были знаменитые врачи, искусные будто бы в лечении таких болезней. Но они едва не залечили ее до смерти. Спас только отец, который, вырвав ее из рук их, перевез опять домой.

Дня четыре пролежала она без памяти, так что ее уже причастили и читали над ней отходную, а когда приходила она ненадолго в себя, то чувствовала на веках своих капли воска, падавшие со свечей, которые подносили к лицу ее, чтобы увидеть, не умерла ли она. Вырытая для нее могила на монастырском кладбище ожидала ее в течение полутора суток, и монахини уже служили по ней заупокойные обедни. Многие, думая, что она умерла, хотели положить ее в гроб. Но снова спас отец, не дав похоронить ее заживо: ухо прикладывая к сердцу ее, он один слышал, как оно все еще бьется.

Только на пятый день очнулась она, и когда заговорила, то первые слова ее были жалобой, что «ее вернули к жизни оттуда, куда она уже уходила и где ей было так хорошо».

Только что ей стало легче, пожелала она вернуться в обитель, и ее перенесли туда на руках. «Приняли здесь живую, ту, которую ожидали мертвой, но у этого живого тела вид был такой, что и мертвое казалось бы менее жалким».

Очень медленно шло выздоровление; около трех лет чувствовала она себя такою слабою, что могла только ползать на руках.

Трудно понять по слишком неточным иногда воспоминаниям Терезы (сколько ей было лет, когда мать ее умерла, она не помнит: думает, двенадцать, и ошибается; не помнит и в каком году постриглась), трудно понять, во время ли первой болезни, или второй, сблизилась она с духовником своим, ученым и умным доминиканцем, молодым человеком из богатого и знатного рода, о. Винченцио Бароне. «Часто и подолгу мы беседовали с ним наедине... и, побуждаемый доверием, которое я внушала ему, он открыл мне душу свою и признался, что в течение семи лет находился в прелюбодейной связи с одной женщиной... В городе об этом знали все, но никто не смел его обличить». Женщина эта, желая его соблазнить, повесила ему на шею, должно быть с колдовским заклинанием, «маленького идола», – может быть, вырытое из земли изваяние древнего бога или богини любви, Афродиты или Эроса, – и только что она это сделала, как его обуяла к ней лютая страсть.

«Жалость к нему пробудило во мне это признание, потому что он так полюбил меня, что и мне был дорог, – вспоминает Тереза. – Большею частью я говорила с ним о Боге, и слова мои были ему полезны, но, кажется, сильнее слов была его любовь ко мне... Чтобы сделать мне удовольствие, отдал он мне изваяние, и я кинула его в реку. Только что он снял его с шеи, так точно пробудился от глубокого сна, – увидел свой грех... ужаснулся и порвал навсегда роковую цепь... Не было в чувстве его ко мне ничего порочного, но, кажется, все же могла бы и совершеннее быть чистота этого чувства, так что, если бы не присутствовала в нас постоянная мысль о Боге, мы были бы в большой опасности... Я, впрочем, не сомневалась, что горячие молитвы мои спасли его от вечной гибели и что небо открыть пожелал ему Господь через меня». Чтобы спасти его, кинула она ему любовь свою, как упавшему в колодезь кидают веревку, чтобы он мог по ней вылезти.

Этот маленький, полусвятой, полугрешный роман юной монахини с духовником ее кидает глубокий и неожиданный свет на всю утаенную жизнь св. Терезы, подтверждая возможную догадку об ее любовной трагедии с тем неизвестным, от которого еще в монастырской школе получила она любовные письма, «не без помощи диавола».

Трудно также понять по воспоминаниям Терезы, когда и как началось у нее последнее искушение, длившееся те двадцать лет, в которые была она, или ей казалось, что была, на волосок от гибели.

Женская обитель Благовещения, Encarnación, где она провела эти двадцать лет, находилась в прекрасной долине к северу от гор Авила. В очень большом саду, окружавшем обитель, стены вековых кипарисов и лавров кидали, и в полдень, черную, как уголь, почти ночную тень, и веяло от них зловещим благоуханием, точно погребальным ладаном. Скрытыми подземными водами питались глубокие мхи с родниками, холодными, как только что растаявший снег, и беззвучными, точно немевшими от грусти, как и все в этом очарованном саду. Кое-где из щели скал медленно сочились и падали светлые капли, но глубокие мхи заглушали их падение, и капли были безмолвны, как слезы немой любви. Тут же, над лугами дико растущих нарциссов, маргариток и лилий, порхало множество бабочек, но не пестрых, а черных. И луч бледного солнца, с трудом проходя сквозь лавровую и кипарисовую чащу, делался бледным, почти лунным, как будто проникал сквозь черную ткань или дым похоронных факелов.

Инокни Благовещения, большей частью молодые девушки из богатых и знатных семейств, жили в свое удовольствие: наряжались, как придворные дамы; «носили золотые ожерелья, запястья, серьги и кольца, забывая, что умерли для мира, что монастырь есть могила и что драгоценности не пристали покойникам», вспоминает очевидец. Кельи были обширные и светлые, с особой для каждой монахини часовней. Гости, приходившие к ним в роскошные и уютные приемные, locutarios, беседовали с ними хотя и сквозь решетку, но свободно и весело, как в великосветских гостиных, и делали им подарки – драгоценные благовония, пряности, невиданные плоды, привозимые из новооткрытой Западной Индии; передавались и любовные записочки. А в лунные летние ночи молодые кабаллеро в широких черных плащах и черных полумасках играли на гитарах и пели серенады под окнами келий.

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org

«Я бы посоветовала родителям, мало думающим о вечном спасении дочерей своих и отдающим их в монастыри, где все эти мирские соблазны терпят, подумать, по крайней мере, о семейной чести своей и выдавать их лучше замуж... потому что их дурное поведение в миру открыто, а в монастырях тайно, – скажет Тереза, вспоминая эти годы жизни своей. – Бедные девушки! Молодость, чувственность и прочие соблазны дьявола вовлекают их в совершенно мирскую жизнь». То же происходит и с ней самой: «Так, от рассеяния к рассеянию, от суеты к суете, от греха ко греху, я дошла наконец до того, что мне было стыдно обращаться к Богу с молитвой: я чувствовала себя такой недостойной, что под предлогом смирения боялась молиться». «Около двадцати лет прожила она в великой сухости и никогда не желала ничего большего, потому что была так убеждена в низости своей, что считала себя недостойной возноситься душою к Богу», – вспоминает о себе Тереза в третьем лице. «Впрочем, снаружи поведение мое казалось безгрешным: я никогда не шепталась с гостями потихоньку сквозь щели монастырской ограды, или поперек ее, или в ночной темноте... потому что подвергать опасности честь обители мне казалось преступным. Но все-таки чрезмерная свобода, которой пользовались монахини, при слабости моей, могла бы довести меня до ада... если бы сам Господь меня от этого не спас». «Совість обличала меня, а духовники оправдывали: так, один из них, когда я призналась ему в моих угрызениях, сказал мне, что если бы я достигла и высшей степени созерцания, то беседы мои (с приходившими в обитель гостями) не могли бы мне повредить... Бедная душа моя! Когда я вспоминаю, как она лишена была всякой помощи, свободно предаваясь развлечениям и удовольствиям, которые считались дозволенными, – я не могу себя не пожалеть».

«Был у меня тогда большой недостаток: если я чувствовала, что кто-нибудь ко мне привязан, и если этот человек мне нравился, то я и сама к нему привязывалась так, что не могла уже ни о ком думать, кроме него». «Если мы любим, то нам естественно желать, чтобы и нас любили. Но когда нам платят этой монетой, то мы замечаем, что она лишь уносимая ветром соломинка; скоро утомляться любовью нам, увы, так же естественно». Судя по этим глухим намекам, бывший любовный роман ее все еще продолжается, или начался новый с одним из тех «искателей любовных приключений», *ventureros*, что бродили у стен святых обителей, как волки у стен овчарен. Если бы Дон-Жуан де Тенорию знал Терезу в те дни, то, может быть, сделал бы все, чтобы ее соблазнить, или, как в легенде о двойнике его, Дон Мигуэле Манара, покаялся бы и ушел в монастырь, потому что не было для него в мире более пленительной женщины, чем донья Тереза де Агумада.

Ростом она была высока и стройна, как одинокий на вершине холма кипарис; царственно величавы были все ее движения; волосы, темно-коричневые с рыжеватым отливом, очень густы; цвет лица напоминал золотистую бледность Гостии на дне золотой Дароносицы; тихая улыбка тонких губ, с черною тенью усиков на верхней губе, была так обаятельна, что раз ее увидевший никогда уже не мог забыть; в темных глазах была бесконечная ясность; только иногда взор их становился вдруг почти невыносимо тяжелым, как у больных падучей или близких к ней, но это лишь на миг; взор опять яснил такую детскою ангельскою ясностью, что людям становилось от него легко на сердце и радостно. Главная же прелесть ее была в том, что мужественная сила сочеталась в ней с женственной нежностью, и все существо ее было насыщено тем, что люди наших дней называют грубо, но точно «зовом пола». По тому, как первый жизнеописатель ее, старый монах, о. Франческо де Рибера, описывает красоту ее, неумело, но тщательно, не забывая «трех маленьких родинок на левой щеке, придававших лицу ее особую прелесть», видно, что и он слышал этот зов.

Силу очарования своего хорошо знала и сама Тереза: «Чувствовала я всегда, как великую милость Божию, то, что всюду, где бы я ни была, мой вид был всем приятен». «В молодости мне говорили, что я хороша, и я этому верила».

«О, какая маленькая ножка!» – восхитился однажды кто-то из придворных ножкой Терезы.

«Смотрите же на нее хорошенько, кабаллеро, – вы больше ее никогда не увидите!» – ответила она, не краснея, и, с этого дня, шелковая туфелька на маленькой ножке ее заменилась грубым сельским лаптем.

Было ей уже лет за сорок, когда усердный, но неискusstный живописец, кармелитский монах, Жуан де ла Мизерия, начал писать с нее портрет, а когда кончил, то, взглянув на него, она воскликнула горестно: «Да простит вам

Бог, брат Жуан, что вы сделали меня таким уродом!» Значит, любила свою красоту и в сорок лет, так же как в детстве, «хотела нравиться людям».

Неудивительно, что все «искатели любовных приключений» слетались на нее как мухи на мед.

«Мало-помалу я начала увлекаться беседами с посещавшими обитель мирскими людьми... потому что зла никакого не видела я в этих беседах... Но, однажды, во время одной из них с новым посетителем... явился не плотским, а духовным очам моим Христос с таким строгим лицом, что ужас охватил меня, и я не хотела больше видеть того человека... Но диавол внушил мне... что мое видение было мнимое... К тому же многие настаивали, чтобы я не отказывала в свиданиях такому почетному гостю, и уверяли меня, что это не только не может повредить чести моей, а напротив, послужит ей на пользу, так что свидания эти возобновились, и другие – тоже. Все они отравляли душу мою в течение многих лет, но ни одно из них – так, как с тем человеком, потому что я была к нему очень привязана... Но как-то раз, во время беседы с ним, я увидела, – и не только я, – увидели это и другие, бывшие там, – что к нам подползает подобное огромной жабе, но быстрее, чем жаба, двигавшееся чудовище. Я не могла понять, откуда взялось, среди бела дня, такое невиданное животное, и не могла не почувствовать в этом таинственного предостережения».

Если главный грех ее, как думает она, есть «нечистая к твари любовь», то эта «предостерегающая» жаба – воплощение этого греха.

10

В 1538 году пришло известие о смерти на другом конце света, в Парагвае, любимого брата ее, Родриго, того самого, с которым в детстве мечтала она умереть за Христа в земле Мавров. А в 1544 году – ей было двадцать девять лет – тяжело заболел ее отец. «Я ухаживала за ним, но суета мирская так удалила меня от Бога в те дни, что я была больше душой, чем он телом», – вспоминает Тереза. Три дня пролежал он в беспомощности, но потом, придя в сознание... сохранил его до конца.

«Помните, дети мои, что все проходит», – говорил он, умирая. Эти простые и как будто обыкновенные слова будут иметь для Терезы, всю ее жизнь, необычайный и все решающий смысл.

«Отошел он так тихо, что этого никто не заметил, и лежал в гробу, как спящий ангел».

В 1546 году убит был в сражении под Иньяквито брат ее Антонио, тот самый, которого убедила она постричься и с которым бежала из отчего дома.

Эти три смерти – три для нее пробуждения от жизни, как от глубокого сна. «Жизнь для меня сновидение, в котором движутся призраки. Я знаю, что сплю и что, когда проснусь, все будет ничто, *sera todo nada*». Может быть, и теперь повторяла она, как в детстве, читая Жития Святых: «Рай или ад будет вечно, вечно, вечно!»

«В эти дни кто-то дал мне прочесть „Исповедь“ св. Августина. Я очень люблю его, потому что и он был таким же грешником, как я». – «Исповедь» открыла ей глаза на то, что происходило в ней самой: «Это моя же собственная жизнь, думала я, и, когда читала то место, где Августин вспоминает слова, услышанные им в саду: „*Tolle, lege! tolle, lege!*“ („Возьми, читай! Возьми, читай!“), мне казалось, что Господь говорит их мне самой... И долго я плакала, изнемогая от раскаяния».

Тот самый духовник ее, Винченцио Бароне, которого Бог спас через нее от вечной гибели, освободив от любовных чар, заключенных в медном изваяньице, убедил ее вернуться к молитве. «Я вернулась к ней... но, при свете молитвы, еще яснее увидела грехи мои». Может быть, они не так велики, как это ей кажется, и она сама это знает, но от этого ей не легче, потому что и в малейшем грехе – та же природа зла, как в величайшем, и потому что вечное спасение или гибель зависит не от количества, а от качества зла. «В свете божественного Солнца душа видит в себе не только паутину больших грехов, но и пылинки малейших. Как бы ни стремилась она к совершенству, – только Солнце это озарит ее, как видит она, сколько в ней еще темного: так вода в хрустальном сосуде кажется вдали от солнца прозрачной, но только что солнечный луч осветит ее, видно, какое в ней бесчисленное множество

пылинок.

Надо сделать выбор между миром и Богом, – это знает она, но знает и то, что выбора сделать не может. «Бог звал меня к Себе, но и мир тоже... и я хотела соединить две эти столь несоединимые крайности. Так проходили годы, и я теперь удивляюсь, что могла так долго жить, не отдаваясь до конца ни тому ни другому». «Я не находила счастья ни в Боге, ни в мире: горечью наполняло душу мою воспоминание о Боге, когда я была в мире, а когда была в Боге, то соблазны мира искушали меня. Это было такое борение, что я не понимаю, как я могла его вынести, не говорю столько лет, а хотя бы один только месяц». «Двадцать лет я падала и подымалась, и снова падала».

«В те дни, когда она еще не вся принадлежала Богу, милости Его казались ей величайшим за грехи ее наказанием, – вспоминает Рибера. – Мысль, что она неблагодарна Богу за такую любовь Его к ней, терзала ее и приводила в отчаяние».

Только чудо спасло ее, – это для нее так же несомненно, как для тонувшего и спасшегося несомненно то, что чья-то сильная рука схватила его, подняла из глубины и вытащила на берег.

Как-то раз, в 1555 году, – ей было тогда сорок лет, – войдя в одну из монастырских часовен, увидела она, должно быть и раньше много раз виденное, но теперь почему-то вдруг ее поразившее так, как еще никогда, изваяние бичуемого Христа, с обнаженным, израненным и окровавленным Телом. «Муки Христа за людей это изваяние изображало так живо, что я была потрясена до глубины души... и, вспомнив, какой неблагодарностью я заплатила Ему за такую любовь ко мне, я почувствовала вдруг, что сердце мое растерзано, и, упав перед Ним на колени, я заплакала и молила Его укрепить меня так, чтобы уже не мучила Его... И я уверена, что Он услышал молитву мою». Что чувствовала она в ту минуту, может быть, она сама еще не понимала как следует, и поняла только много лет спустя, когда в другом видении Христа услышала из уст Его:

«Разве я не Бог твой и разве ты не видишь, что со Мною делают люди? Если ты любишь Меня, то почему не жалеешь?»

И еще яснее поняла, когда молилась, как бы кощунствуя и восставая на Отца за Сына:

«Как мог Ты согласиться, Отец, чтобы Сын Твой каждый день отдавал себя на растерзание людям?... О, зачем Он всегда молчит? Зачем никогда не говорит за Себя, а всегда – только за нас? Неужели никогда никого не найдет, чтобы защитить этого Агнца?»

«Господи, или страдать, или умереть, – я больше ни о чем Тебя не прошу! Morir o paseder!» Это значит: «Или со Христом страдать, или умереть за Христа».

Может быть, только теперь поняла она, что выбор надо сделать не между миром и Отцом, а между миром и Сыном.

Злейшим врагом своим и Господним, немногим лучше дьявола, считала она всю жизнь «ересиарха» Лютера. Как удивилась бы она и ужаснулась, если бы знала, что в этом для нее все решающем выборе между миром и Сыном она сделала то, что советовал Лютер: «Снизу должно всегда начинать, думая о Боге (Отце), – с Иисуса Христа, в Его воплощении и страданиях: только в них мы находим Отца. Кто же начинает сверху, тот себе ломает шею». «Сверху» начала св. Тереза и едва не погибла; только тогда спаслась, когда начала «снизу».

11

Кажется, в ее спасении все решается тем чувством сверхъестественного Присутствия, *Parousia*, которое так хорошо было знакомо первохристианским векам. «Вдруг чувствуем около себя Христа, не видя Его плотскими очами, ни даже духовными». «Чувствовала она, что Христос находится около нее, справа, – вспоминает о себе Тереза в третьем лице. – Но чувство это было совсем иное, чем то, по которому люди, не видя, угадывают чье-либо присутствие. Было оно так тонко, что выразить его нельзя никакими словами, и вместе с тем несомненнее всех других чувств: те могут обманывать, а это – не может». «В самом начале ничего не видела она и не понимала... и, в сильной тревоге, признавалась в этом однажды духовнику своему». «Если вы ничего не видите,

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org

то как же знаете, что это Христос?» – спросил он ее. «Не знаю как, – ответила она. – Знаю только, что слышу голос Христа, что это не может быть самообман, и что я не сомневаюсь в Его присутствии, особенно когда Он мне говорит: „Не бойся – это Я“.

На две половины разделилась жизнь ее этим первым видением Христа или, точнее, первым чувством Его «Присутствия». Смысл разделения определяет сама она лучше всего: «Жизнь моя кончилась – началась жизнь Бога во мне».

Сорок лет минуло ей, в 1555 году, когда произошло это разделение. Сорок лет – та роковая точка для женщины, когда солнце пола начинает склоняться к западу, лучи его становятся знойнее, и в них рождаются великие бури. Кажется такая буря налетает и на Терезу в душевной болезни, более тяжелой, чем та, физическая, в юности. Снова и теперь, как тогда, «вырыта для нее могила», но уже не маленькая, временная, а огромная, вечная, – Ад, потому что хотя она и спасается, но уже на самом краю гибели.

чем больна была Тереза? Фрейдовский психоанализ решил бы: «заглушенным и извращенным полом», «истерической эротоманией», «половым безумием», *psuchopathia sexualis*. Так решила бы «мудрость мира сего – безумие перед Богом», потому что можно отвергнуть всякую религию, как безумие, но, приняв ее, надо принять и мудрость ее – Экстаз.

Может быть Экстаз и болезнь, но если дети, когда у них прорезаются зубы, и женщины, когда рожают, – болеют, то это еще не значит, что людям надо жить без зубов и без детей. Может быть, Экстаз такая же болезнь души, как жемчужина – болезнь раковины. Будь мы не только телом, но и духом здоровы, как боги, может быть, мы погружались бы из экстаза в экстаз, как в бурном море пловец – из волны в волну.

Душа человека в Экстазе – то же, что для скрипача – его инструмент: трудно музыканту играть на скрипке, а человеку на собственной душе своей еще труднее, а иногда и больно, и страшно до смерти, не только временной, но и вечной. Эту именно боль и этот страх испытала на себе Тереза в высшей степени. Здесь-то, кажется, и главная причина ее «душевной болезни». Тщетно разгадывают врачи наших дней загадку ее: этот орешек им не по зубам. Кажется, ясно одно: болезнь Терезы принадлежит к той же страшной семье, как падучая, древняя «священная болезнь», *morbus sacer*. Если бы мы поняли как следует жизнь Терезы и болезнь ее, потому что вся ее жизнь – болезнь (вечными головными болями и ежедневною рвотою будет она страдать всю жизнь), то, может быть, мы поняли бы, что и болезнь ее тоже «священная» и даже святая.

«Надо человеку измениться физически, чтобы сделаться Богом (Кириллов, в «Бесах» Достоевского). Это надо человеку, чтобы сделаться и «богоподобным», святым. Кажется, болезнь св. Терезы, так же как вся ее жизнь, и есть не что иное, как такое «физическое» или, точнее, психофизическое, душевно-телесное «изменение человека».

На семь лет этой болезни, от 1555 года до 1562-го, уходит она из внешнего мира во внутренний. Время для нее останавливается: жизнь ее – как «сновидение, в котором движутся призраки». Так далека эта жизнь от всех внешних событий, что могла бы точно такую же быть и в X, и в XVII веке. Краем уха, может быть, слышала она, в 1555 году, когда ей было первое видение – бичуемого Христа, – об отречении императора Карла V, самого могущественного человека в мире после Юлия Цезаря, – в чьих владениях «солнце никогда не закатывалось», и «люди ходили не только вверх, но и вниз головами» (антиподы), как говорили о нем испанцы с гордостью. Слышала, может быть, и о смерти императора в обители св. Юста, в диких, холодных горах Эстрамадуры, и о том, как присутствовал он на своей же собственной заупокойной обедне, точно хоронил себя заживо, и как, умирая, прижал к губам простое деревянное Распятие покойной супруги своей и прошептал с последним вздохом: «О, Иисус! Ау, Jesus!»

Призраком был для св. Терезы весь внешний мир, но сама она не будет призраком для мира. Как удивились бы те, кто делает историю, – короли, папы, императоры, – если бы знали, что эта почти никому не известная монахиня сделала больше их всех и что их дела пройдут и рассеются, как призраки, а дело ее – никогда.

Как бы исполняя то, о чем, может быть, мечтал отец ее, Алонзо Добрый, над

одной из любимых книг своих, «Великая победа морем», «Gran conquista de Ultramar», пять сыновей его отправились в Новый Свет, «завоевателями», «конквистадорами», чтобы приобрести военную славу и золото, а дочь его, Тереза, не двигаясь с места, отправилась в более далекий и страшный путь, не за море, а в собственную душу свою, – не во внешний, а во внутренний Новый Свет, чтобы приобрести большую славу и более драгоценное сокровище, чем золото Перу и Мексики, – Экстаз.

12

Семь восходящих ступеней Экстаза проходит она за эти семь лет.

Первая ступень – самопогружение, contentandome, «сосредоточение всех душевных сил», union de todas las potencias, на одной-единственной мысли, единственном чувстве, единственной воле – к совершенному соединению человека с Богом. «Медленно душа погружается как бы в сладостный обморок». Все не только душевные, но и телесные силы ее теснятся к Возлюбленному, как в лютую стужу озябшие люди теснятся к огню очага. И это происходит без малейшего усилия, в почти безмолвной молитве. «От этого внутреннего сосредоточения происходит такой сладостный мир и покой, что, кажется, душе уже нечего желать... и даже молитва для нее ненужная усталость; душа хотела бы только любить». В этой молитве «успокоение», quietudo, «душа подобна младенцу на руках у матери, которая, играя, выжимает в рот его молоко, так что ему уже не нужно сосать груди».

Очень знаменательно, что в этом религиозном опыте св. Терезы Бог есть не только Отец, но и Мать, так же как в опыте всех древних мистерий, от Египта и Вавилона до Элевзиса и Самофракии. У незапамятно древнего, кажется этруро-пелазгийского бога пограничной межи, Jupiter Terminalis, – уже не мужская, а женская грудь с материнскими сосцами: это будущий «Матереотец», Metropater, гностиков. Чудной молитвой молится ему и шумерийский царь Гудза, времен до-Авраамовых:

Матери нет у меня; Ты – моя Мать! Нет отца у меня; Ты – мой Отец!
«Как утешает кого-либо мать, так утешу Я вас», – скажет Господь и пророку Исайи, который научился, может быть, во дни Вавилонского плена тому, что Бог есть не только Отец, но и Мать (Ис. 66, 13).

В первом Эоне, веке-вечности мира – в Ветхом Завете, совершает человечество путь от Матери к Сыну, а в Эоне втором, в Новом Завете – путь обратный – от Сына к Матери. Весь религиозный опыт св. Терезы, Экстаз, и движется бессознательно («многое можно знать бессознательно», верно и глубоко понял Достоевский) по этому пути от Сына к Матери-Духу. Кажется, сама Тереза не сознает, как важно то, что она говорит о постоянном в ее душе присутствии трех Божественных Лиц Троицы: «Эти Три Лица открываются душе, говорят с нею и дают ей разумение слов Господних: «Я приду с Отцом Моим и Духом Святым, и обитель сотворим у того, кто любит Меня» (в слове Господнем, Ио. 14, 23, ничего не сказано о Духе, – Тереза прибавляет о Нем от себя). «Слышать эти слова и даже верить в них, – как далеко отстоит от того, чтоб их почувствовать!.. Но после того как душа получает эту милость, она удивляется с каждым днем все больше, потому что ей кажется, что эти Три Божественных Лица не покидали ее никогда, и ясно видит она, что они находятся внутри ее, как в глубочайшей бездне».

Есть во всем религиозном опыте христианства догмат – отвлеченная мысль о Троице, но нет, или почти нет того живого чувства Трех, которое изменило бы и двигало жизнь, а в религиозном опыте св. Терезы чувство это есть в высшей степени; с него-то и начинается для нее Экстаз.

13

Если на первой ступени лестницы, восходящей к Экстазу, – тишина перед бурей, то вторая ступень – «восхищение», «исступление», arrobamiento, – уже начало бури.

«Бывают с вами, Шатов, минуты вечной гармонии?.. – спрашивает Кириллов в „Бесах“ Достоевского. – Есть секунды, – их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически, или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: „Да, это правда, это хорошо“. Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, – о – тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость. Если более пяти секунд – то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что стоит. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически».

Кажется, вся телесно-душевная болезнь Терезы и есть не что иное, как эта «физическая перемена», нужная для тех страшных «десять секунд вечной гармонии».

«Берегитесь, Кириллов, – остерегает Шатов, – я слышал, что именно так падучая начинается. Мне один эпилептик подробно описывал это предварительное ощущение пред припадком, точь-в-точь как вы; пять секунд, и он назначал и говорил, что более нельзя вынести».

Точно так же описывает и Тереза начало «Восхищения», похожее на «каталепсию», столбняк или обморок: «Мало-помалу все труднее становится дышать... естественная теплота тела исчезает... руки холодеют, как лед, и коченеют, как палки; тело остается в том положении, стоячем или коленопреклоненном, в каком застало его Восхищение, а душа погружается в блаженство» – в «невыносимое больше пяти секунд чувство вечной гармонии». «Берегитесь, так начинается падучая», можно бы и св. Терезу остеречь, как «бесноватого» Кириллова. Впрочем, она и сама знает, как это опасно: «Разум и память находятся тогда в состоянии, подобном сумасшедшему бреду; это может иметь очень дурные последствия, и с этим надо быть осторожным».

«Богоодержимость», *katoche*, – одно из имен Экстаза в древних Дионисовых таинствах. Исступленная Сибилла Виргилия «силится сбросить одержавшее ее божество, как бешеный конь сбрасывает всадника, но, укрощаемая ударами и толчками бога, принуждена вещать, с пеною у рта». Другое имя Экстаза в тех же таинствах – «безумие», *mania*, от *mainesthai*, откуда и слово «Мэнады», «Безумные», – жрицы бога Диониса. С «жалом овода», *oistros*, сравнивается Экстаз в тайном учении Орфиков. Имя Диониса – *oistreeis*, *oistromanes*, значит: «оводом жалящий», «исступляющий, как овод». Лисса, богиня бешенства, исступляет Мэнад у Эсхилла: «Судорога подходит и распространяется вверх до темени, как пронзающий укус скорпиона».

Кажется, все эти древние описания Экстаза дают наиболее точное понятие о том, что и св. Тереза испытывает на второй ступени его в «Восхищении», *arrobamiento*.

Здесь же происходит и то явление или ощущение, которое известно многим святым под именем «Поднятия на воздух», *levitacion*. «Восхищение духа увлекает за собою и тело, – вспоминает Тереза.

– Душу возносит Сильнейший из сильных... с такую легкостью, с какой исполин поднял бы соломинку». «Лодочку души моей подымает как бы огромный, неистово бушующий вал». «Все мое тело подымалось так, что уже не касалось земли... Если же я хотела этому противиться, то чувствовала под ногами чудесную силу, подымавшую меня на воздух... и испытывала великий страх».

Чудо Поднятия так привычно святым и как бы естественно, что может происходить не только во время молитвы, но и в таких будничных смиренных делах, как стряпанье кушаний. «Ходит и в кухне Христос, между горшками и кастрюльками», – скажет Тереза. Может быть, от тех самых монахинь, которые «своими глазами видели» чудо Поднятия Терезы, слышал Рибера этот детски простодушный и милый рассказ: «Будучи уже игуменьей в обители св. Иосифа, в г. Авиле, стряпала однажды мать Тереза на кухне для сестер новое лакомое блюдо из яиц и рыбы... когда несколько монахинь, войдя в кухню, увидели, что она поднялась на воздух, держа в руках сковородку так крепко, что ее нельзя было вынуть из рук».

Где происходит чудо Поднятий, – только ли во внутренней действительности, или так же во внешней, – остается неизвестным для нее самой: «Этого я сама не понимаю, yo no acabo de entender esto», – признается она. Резкого и точного разделения двух миров, двух опытов, внешнего и внутреннего, для нее не существует вовсе, как для нас, благодаря нашей критике познания. Оба мира сливаются для нее и смешиваются в неясных сумерках.

Много лет спустя после первого Поднятия упала она однажды в темноте, с лестницы в той же обители Св. Иосифа, и сломала себе руку. Но, может быть, и тогда не спросила себя, – не спросили и сестры, почему нужнейшее для нее, в эту минуту, чудо Поднятия не совершилось? И всего удивительнее, что об этом не спрашивают и те жизнеописатели св. Терезы, которые до наших дней верят в это чудо.

14

Третья ступень Экстаза – мука желаний – главный источник боли и болезни для всех, кто ищет Экстаза.

Вдруг возникает желание в душе, возносящее ее над нею самой и надо всем творением... Бог уединяет ее в такой бесконечной пустыне, что она не находит в ней, сколько бы ни искала, ни одного близкого ей существа... и, если бы даже могла найти, не захотела бы, потому что все ее желания – умереть в этой пустыне. «Вдруг овладевает мной такая любовь к Богу, что я умираю от желания соединиться с Ним... и кричу, и зову Его к себе... Мука эта такая сладостная, что я не хочу, чтоб она когда-либо кончилась, происходит от желания умереть и от мысли, что избавить меня от муки не могло бы ничего, кроме смерти, но что убить себя мне не дозволено». «В эти минуты душа – как повешенный, который, чувствуя веревку на шее, задыхается». «К Богу стремится душа, но вместе с тем чувствует, что ей невозможно обладать Богом, не умерев, а так как самоубийство не дозволено, то она умирает от желания умереть, чувствуя себя как бы висящею между землей и небом и не зная, что ей делать. Бог иногда чудесным и невыразимым способом дает ей некоторое о Себе познание только для того, чтобы поняла, чего лишена вдали от Бога. Нет на земле большей муки, чем эта».

Четвертая ступень Экстаза – видения Христа.

«Плотскими очами она иногда ничего не видела, кроме двух раз, когда ей казалось, что Кто-то говорил с нею, но она ничего не поняла из сказанного», – свидетельствует духовник Терезы, о. Родриге Альварес. Все ее видения, как и сама она утверждает, – «не внешние, а внутренние». «Плотскими очами я никогда ничего не видела, а видела только духовными... Но признаюсь, что хотела бы увидеть и плотскими, чтобы духовник мой не мог сказать, что все мои видения лишь мнимые».

Кажется, первое явление, после невидимого Присутствия, – Свет.

«Блеск ослепляющий, белизна сладчайшая, – вспоминает Тереза так просто и опытно-точно, что надо быть ученым Смердяковым, чтобы не поверить и не увидеть, что это не „световая галлюцинация“.

«Солнечный свет перед этим так темен, что и глаз на него открывать не хотелось бы... Разница между этими двумя светами такая же, как между прозрачайшей, по хрусталу текущей, солнце отражающей водой и темнейшей, по темной земле, под темным небом текущей. Да и вовсе не похож этот божественный Свет на солнечный; естественным кажется только он один, а солнечный – искусственным... И так внезапно являет его Господь, что, если бы надо было только открыть глаза, чтобы увидеть его, мы не успели бы; но все равно, открыты глаза или закрыты, если только угодно Господу, чтобы мы увидели тот Свет... Я это знаю по многим опытам».

Тот же Свет, может быть, сиял уже и в Елевзинских таинствах, когда иерофант подымал и показывал молча безмолвной толпе «сию великую, дивную и совершеннейшую тайну лицезрения», *eroptikon mysterion*, «Свет Великий», *phos mega*, – срезанный колос и, падая ниц, толпа восклицала, в священном ужасе:

Радуйся, Жених,
Свет Новый, радуйся!
Тот же Свет, «превосходящий сияние солнечное», озарит и Павла на пути в Дамаск (Д. А. 26, 13).

После Света – Голос: «Душу зовет возлюбленный таким пронзительным свистом, *silbo penetrativo*, что нельзя этого не услышать, – вспоминает Тереза. – Этот зов действует на душу так, что она изнемогает от желания, но не знает, о чем просить, потому что с нею Бог, а большего счастья могла ли бы она пожелать?» Странно, что в голову ей не приходит свист древнего Змия, –

может быть, потому, что таким же точно «свистом» зовут и горные пастухи на Сиерре де Гредос овец и коз; так же зовет овец своих – человеческие души – и Пастырь Добрый.

В VI–VII веке до Р. Х., в южноиталийских городах, Локрах и Регионе, молодые девушки, сидя дома, за трапезой, слышали вдруг чей-то далекий, таинственный зов, *hos kalountos tinos*, – как бы с того света звал их Возлюбленный, – в исступлении вскакивали и бежали в горы плясать. Этот неистовый бег исступленных, как бы не своей волей несущихся, обозначался иератическим словом *thyo*, «рваться», «метаться», «нестись»; от того же корня – *thyeila*, «буря», и *thyas*, «фиада», «Плясунья», – как бы в человеческом теле воплощенная буря Экстаза. Может быть, этот таинственный зов, который слышат локрийские и регионские девушки, – тот же «пронзительный свист», которым зовет и св. Терезу Возлюбленный.

После Голоса – Видение. «Этого видения душа не ждет и не думает вовсе о нем, как вдруг оно является ей, сначала утрашая великим страхом, а потом успокаивая миром, столь же великим». Тереза видит Иисуса почти всегда «в прославленном Теле», *siempre la carne glorificada*. «Солнцу подобен Он, покрытому чем-то прозрачным, как алмаз. Ткань Его одежды, как тончайший батист». «Однажды, когда я молилась, угодно Ему было показать мне руки свои... Их красота была такова, что я не могу ее выразить никакими словами... А немного дней спустя я увидела и божественное Лицо Его». «Эти внутренние видения мгновенны, как молния... но остаются неизгладимо запечатленными в душе, хотя, в эти кратчайшие мгновения, так же невозможно смотреть на Лицо Христа, как на солнце». «Что бы мы ни делали, чтобы увидеть Его, – все бесполезно, и даже стоит только пожелать увидеть что-нибудь яснее, чтобы все видение исчезло... Страстно иногда хотелось мне увидеть, какого цвета и очертания глаза Его... но я никогда не могла их увидеть. Правда, я часто замечала, что Он смотрит на меня с невыразимую нежностью, но сила этого взгляда была такова, что я не могла его вынести».

После видения – Слова, самые простые, – самые глубокие. «Это Я сам, не бойся!» – слышит она те же слова, какие слышали и ученики из уст воскресшего Господа: «Что смущаетесь?... Это Я сам» (Лк. 24, 38–39). «Когда однажды ей казалось, что Христос покинул ее, она услышала голос Его, говоривший из глубины сердца ее: „Я – с тобой, но хочу, чтобы ты видела, каково тебе без Меня“».

Слишком часто в словах, услышанных Терезой от Иисуса, – только общие места душеспасительных книг или школьных прописей. «Вяение сладчайшее, как бы само дыхание Божественных Уст, *suavitates, quae velut ex ore Jesu Christi... afflari videntur*», не слышится в этих словах, как в Аграфах, ни даже как в «Тайне Иисуса» у Паскаля. Слишком испанский Христос в видениях Терезы напоминает иногда духовников ее, добрых отцов-иезуитов. Но по глубокому слову Оригена: «Каждому является Христос в том образе, какого достоин каждый».

Мы ничего не поймем в религиозном опыте св. Терезы, если не почувствуем, что видения Христа у нее не только «обман чувств», «галлюцинация», но и какая-то недоступная нам действительность. «Верите ли вы, что есть привидения?» – спрашивает Свидригайлов Раскольников.

«А вы верите?» – спрашивает тот.

«Да пожалуй, и нет... То есть, не то что нет... Ведь обыкновенно как говорят?... „Ты болен, стало быть, то, что тебе представляется, есть один только несуществующий бред“. А ведь тут нет строгой логики. Я согласен, что привидения являются только больным; но ведь это только доказывает, что привидения могут являться не иначе как больным, а не то что их нет самих по себе... Ну, а что, если так рассудить: „Привидения – это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью... Ну, а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинается сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что – когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир“».

«Если бы даже все рассказы о привидениях оказались лживыми, то оставалась бы возможность действия того мира на этот», – соглашается и Кант с

Достоевским. Именно такая «возможность» остается и в видениях Христа у св. Терезы. Главное в них и самое действительное – бесконечная любовь ее ко Христу. «Представьте себе человека, любящего так, что он не может ни минуты обойтись без любимого. Но и такая любовь меньше моей любви ко Христу».

«Я бы радовалась, если бы другие прославлены были на небе больше, чем я; но не знаю, радовалась ли бы я, если бы кто-нибудь любил Бога на земле больше, чем я». «Бога», – говорит она, но, может быть, точнее было бы сказать: «Сына Божия», или даже «Сына Человеческого». Только такая любовь к Нему и могла ей дать такое проникновение в душу Его, как это: «До креста, явил Он (в Гефсимании) немощь свою человеческую, а на кресте, когда поглощен был бездной страданий, en el golfo bello, являет только силу свою божественную; до креста жалуется ученикам, а на кресте, умирая жесточайшею смертью, не жалуется даже Матери своей». Или еще такое прикосновение, как это: Матери своей, хотя бы об этом ничего не сказано в Евангелии, должен был Иисус, по Воскресении, явиться первой, потому что Она страдала у креста больше всех.

После двенадцати учеников Господних никто, кроме ап. Павла, св. Франциска Ассизского и св. Бернарда Клервосского, не прикасался так, как св. Тереза, не только духом к духу, но и плотью к плоти Христа, потому что никто его так не любил.

Разума человеческого стоит лишиться, чтобы приобрести мудрость Божию, но, чтобы оказаться в человеческом безумии, – не стоит. «Разумом должно обуздывать эти исступленные порывы, потому что в них может быть и чувственность». «В этом (несказанно блаженном соединении души с Богом) и тело немного участвует», – признается Тереза, и тотчас прибавляет, чтобы не солгать себе и другим: «Нет, тело в этом очень много участвует».

«В Вербное Воскресенье, возвращаясь из церкви, я была вне себя, так что не могла проглотить Причастия; я держала его во рту, и мне казалось, что уста мои наполняются кровью и что по лицу моему и по всему телу льется кровь, такая горячая, как будто прямо из ран Господних, и что было мне невыразимо сладостно. И Христос мне сказал: „Я пролил эту кровь за тебя в несказанных страданиях, а ты наслаждаешься ею в несказанном блаженстве!“

«Чувствует себя душа упоительно раненой, но не знает кем, и начинает жаловаться, как влюбленная».

«Смерть кажется душе, в такие минуты, упоительным восторгом в объятиях Возлюбленного». «Я хотела бы растерзать сердце мое на части, чтобы только сказать, как мука эта сладостна». «О, какое блаженство – смерть в объятиях Возлюбленного, в упоении любви!»

«Часто Он (Христос) мне говорит: „Отныне я – твой, и ты – моя!“... Эти ласки Бога моего погружают меня в несказанное смущение». В ласках этих – «боль и наслаждение вместе». «Это рана сладчайшая».

«Человекотерзатель», anthroporrhaistes, – имя Бога в древних мистериях, страшное для всех, кроме самих терзаемых: знают древние служительницы бога Диониса, Мэнады, «исступленные», хотя еще и смутным знанием, – яснее узнает св. Тереза, – что слаще всех нег эти ласки – раны, лобзания – терзания небесной любви; лучше с Ним страдать и умереть, чем без Него блаженствовать. «Господи, или страдать (с Тобой), или умереть (за Тебя)!» – молится Тереза и падает в изнеможении, под этими ласками, закатывает глаза, дышит все чаще, и по всему телу ее пробегает содрогание. Если бы нечестивая, но опытная в любви женщина увидела ее в эту минуту, то поняла бы, или ей казалось бы, что она понимает, что все это значит, и только удивилась бы, что с Терезой нет мужчины; а если бы и в колдовстве была эта женщина опытна, то подумала бы, что с Терезой вместо мужчины тот нечистый дух, которого колдуны и ведьмы называют «инкубом».

15

Когда люди начали умножаться на земле и родились у них три дочери, тогда сыны Божии (Ben Elohim) увидели дочерей человеческих, что они прекрасны, и начали брать их в жены себе, какую кто пожелает (Быт.). Так произошло нечестивое «смешение женской крови с ангельским огнем» (Кн. Эноха). Ангелов, соблазненных женскою прелестью, вспоминает и ап. Павел: «должно иметь жене на голове знаки власти над нею (покров), для Ангелов» (1 Кор. 11, 10). Что это значит, верно понял Тертуллиан: сила женской прелести

такова, что ею могут соблазниться и чистейшие духи так же, как нечистые.

Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Заговоренный, замолчит...
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...

В этих стихах лермонтовского «Демона» стоит лишь заменить слово «Кавказ» словом «Сиерра», чтобы монахиня Тамара оказалась монахиней Терезой.

И целый день, вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей...
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...

«О, приди, приди! Я Тебя желаю, умираю и не могу умереть!» Кто этот невидимый гость, – Ангел или Демон, Тамара не знает, – не знает и Тереза. «О, насколько этот Небесный или надземный Дон Жуан страшнее и соблазнительнее, чем тот, земной!» «Кто Он?» – этот страшный вопрос встанет перед ней на шестой ступени Экстаза, в том, что не сама она, а Римская Церковь назовет Пронзением, *Transverberatio*. «И проходил Я мимо тебя (дочери Израиля) – и вот, это было время твое – время любви... И простер я воскрылия рук Моих на тебя, и покрыл наготу твою... и ты стала Моею» («Тайна Трех», 184). Это могла прочесть Тереза в Св. Писании, когда перевод его на старокастильский язык еще не был запрещен Инквизицией. «Стала моею», – прочла и, может быть, вспомнила: «Отныне Я твой, и ты – Моя!» Что прочла в Писании о дочери Израиля, то и над нею самое исполнилось в самом чудном и страшном из всех ее видений, соединяющих, как в древних мистериях, высшую точку Экстаза с огненной точкой Пола – в Пронзении.

«Справа от себя увидела я маленького Ангела... и узнала по пламеневшему лицу его Херувима... Длинное, золотое копьё с железным наконечником и небольшим на нем пламенем, *un dardo de oro largo, y al fin del hierro... un poco de fuego*, было в руке его, и он вонзал его иногда в сердце мое и во внутренности, а когда вынимал из них, то мне казалось, что с копьём он вырывает и внутренности мои. Боль от этой раны была так сильна, что я стонала, но и наслаждение было так сильно, что я не могла желать, чтобы кончилась боль» (Vie, 321–324. Т. Есг., 399–400). «чем глубже входило копьё во внутренности мои, тем больше росла эта мука, тем была она сладостнее» (Т. Есг., 311).

Надо быть ребенком, не знаящим, как девушка становится женщиной, чтоб в «Пронзении» не видеть того, что происходит между женихом и невестой в первую брачную ночь. Видела ли это сама Тереза и если видела, то как могла признаться в этом судьям своим, инквизиторам, как могла обнажиться перед ними до такой наготы та, кто была, по свидетельству Риберы, «воплощенную стыдливостью и страшилась всего, что могло бы оскорбить целомудрие словом или делом»? (Rib., II, 39).

Трудно и страшно говорить об этом; надо бы иметь для этого уста Психеи, влюбленной и молящейся, а без них – «да молчат уста мои о тайнах сих!» – хочется воскликнуть с Плутархом. Грубо-бесстыдны или холодно-трупны все наши об этом слова, христиан и нехристиан одинаково: точно оглоблей хотят раскрыть лепестки ночного цветка, или очи уснувшей Психеи. Слишком, однако, не будем бояться слова, потому что все наши слова о Боге грубы, слабы и невольны-кошунственны; не то говорят, и даже обратное тому, что хотят сказать: молясь, кошунствуют; благословляя, проклинают. Если бы не глухота привычки, мы никогда не забывали бы, что Крест, слава наша и спасение – только «позорный столб». А приношение Сына Отцом в жертву за мир – только «Сыноубийство». Так же трудно не знаящим и так же легко посвященным понять и этот, как будто кошунственный, символ – Пронзение.

«Пол» – грубое, узкое, огрубленное, суженное слово. Когда мы соединяем его со словом «любовь», нам кажется, что мы не освящаем пол, а оскверняем любовь. Но у нас другого слова нет, и, конечно, недаром весь наш язык или безбожен, или беспол: как в нем, так и в нас самих или пол против Бога, или Бог против пола. Но «в начале не было так»: все, что мы называем «язычеством», – Египет, Ханаан, Хеттея, Эгея, Эллада, Рим, – весь Отчий Завет «струится от пола» (Розанов); ожидает Богозачатие, Богорождение. И вот Бог дает св. Терезе возможность испытать любовь «возвышенной плоти». Брачное соединение человека с Богом для св. Терезы, как и для св. Иоанна Креста, есть нечто не только духовное, но и плотское, потому что есть величайшее явление человеческой личности, а Личность – весь человек, с духом и плотью. Это духовно-плотское соединение человека с Богом св. Тереза, как и св. Иоанн Креста, чувствовала с большей силой, чем кто-либо за все двадцать веков христианства. «Разумом должно обуздывать эти исступленные прорывы (любви к Богу), потому что в них может быть и чувственность», – говорит св. Тереза. Св. Иоанн Креста продолжает: «Телу Бог ничего не дарует, чего бы раньше и в большей мере не даровал душе, и чем сильнее блаженство души, причиненное раной любви (к Богу), тем сильнее и муки его, от той же раны. И удивительно, в каком взаимном соответствии увеличивается и эта мука, и это блаженство».

Дух и плоть могут, и должны, сосуществовать в органическом единстве, но пол должен быть сначала «преображен»: дух должен быть освящен плотью; плоть должна быть оправдана духом. Чтобы слиться со Христом и во Христе, стать неотделимым от Него, человек должен принять Христом освященную плоть. Человеческая половая жажда есть влечение к трансцендентному: «Пол есть единственно возможное „касание к мирам иным“, к трансцендентным сущностям» (Д. Мережковский. «Тайна Трех: Египет и Вавилон». Прага, 1925, с. 48–49). Через Иисуса Христа Бог даровал человеку возможность любви в новом, органическом соединении духа и плоти. Одна влюбленность – возвышенная, озаренная любовь – может превратить человеческую любовь в любовь «возвышенной плоти». Новая святость пола, тайна пола преобразенного, от которого зависит вся будущность христианства, представляет собою истину, не завершённую Первым Пришествием. Новая плотская личность возникнет в том будущем состоянии мира, когда человек поймет своим мистическим разумом и опытом одну из реальностей этого мира, «что «Слово стало плотью» и что в этом воплощенном Слове Отец, Сын, Дух и Плоть – одно, а следовательно, личность плотская в своем окончательном, примерном значении равноценна личности духовной» (Д. Мережковский. «Л. Толстой и Достоевский. Религия». Москва: Сытин, 1924, XII, 282). «Плоть воскресшего Христа – не привидение, не бесплотный дух, а совершенно реальная „духовная плоть“ (там же, с. 284). «Дух есть плоть плоти... Дух есть не только отрицание низшего, но и утверждение высшего состояния плоти; дух есть непрерывное движение, устремление плоти от низшего состояния к высшему – «от света к свету», до последнего белого света Преображения, Воскресения, в котором уже все отдельные радужные цвета жизни сливаются в один». «Дух есть не бесплотная святость, а Святая Плоть» (там же, XI, 16–17). Всемирная грядущая Церковь, не западная и не восточная, «в своем последнем, еще нераскрывшемся предназначении» (там же, 20), будет Церковью Плоты Святой и Духа Святого.

17

Вера человека в потустороннюю тайну плоти как единственного возможного контакта через пол с духовным миром, логически приводит к толкованию телесного как отражения Святой Троицы в человеческой жизни на земле. Пол – это первичная связь плотью и кровью с Богом, Тремя в Одном. Физический аспект любви можно, и должно, принять только в свете влюбленности, красоты и свободы, т. е. «в Третьем», во Христе. В Третьем врожденное противоречие между духом и плотью исчезнет, так как плотская любовь, святое чувство во влюбленности, берет свое начало в Боге, проходит через него и в Нем же находит свое завершение. «Тайна двух», единство двух в акте физической любви, объемлющее их душу, дух и плоть, делает их частью «сияющего Божественного круга». Святая плоть и Святой Дух не противоположны друг ко другу – они являются двумя полюсами одной и той же истины: не язычество и Христианство, а две равные части Христианства. Святость духа и пола равносильны, равноценны. Святая плоть и ее трансцендентальная тайна включают в себя пол как Божественную Троицу внутри человеческого пола: «Пол есть первое, изначальное, кровно-телесное осязание Бога Троидино» (Д. Мережковский. «Тайна Трех», с. 54). Обрезание – это главное проявление святости пола. «Обрезание есть жениховство человека Богу, кровное, плотское. Завет брачный, брачный союз, половое совокупление человека с

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
Богом. Кольцо обрезания – кольцо обручальное» (там же, с. 177). Обрезание – это брак Бога с человечеством. Поскольку Христос – Жених, а Церковь – невеста, пол для их слияния совершенно необходим, ибо «Тайна любви – Воскресение» (там же, с. 169).

Воскресение плоти произойдет только в религии Второго Пришествия, начала истинной религии после окончания истории: «Если пол – самая огненная точка, самое реальное, и в то же время мистическое утверждение бытия в Боге, то отрицание пола есть вместе с тем самое реальное, и в то же время мистическое отрицание бытия мира сего» (Д. Мережковский. «Не мир, но меч», X, 73). Религиозный опыт брачного соединения человека с Богом совершается уже «не в бывшем христианстве, религии Двух – Отца и Сына, а в будущем – в религии Трех – Отца, Сына и Духа». Как утверждает св. Иоанн Креста, «новых откровений в (нынешней) Церкви уже не будет». Но слова «Многое еще имею возвестить вам, но вы теперь не можете вместить... Когда же придет Дух истины, то наставит вас на всякую истину... и будущее возвестит вам» имеют другое значение (Ио. 16, 12–13). Нужно познать, углубиться во Христа, и так преобразиться новым познанием – откровение Троичного Бога, божественной тайны Трех. Только здесь, около Трех, поднимается буря того экстаза, чья высшая точка – Богосупружество. С Духом Святым соединяется обожествленная душа так же, как с Отцом и Сыном. Сделанный в древних таинствах и забытый к началу христианства религиозный опыт Богосупружества сделан был снова, через пятнадцать веков, св. Терезой Иисуса и св. Иоанном Креста, и почти тотчас же снова забыт. Но люди вспомнят о нем позже.

В религиозном опыте христианской мистерии братская любовь – только символ того, чему в Елевзинских таинствах, на этой ближайшей к христианству вершине всего дохристианского человечества, дано то же имя, как и в христианской мистерии: Теогамия, Богосупружество, «брак души человеческой с Богом», их «совершенное соединение в любви». Как учит ап. Павел: «Будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я же говорю о Христе и о Церкви» (Еф. 5, 31–32).

Церковь – Невеста, а Жених – Христос. На основе брачной, самой личной, любви строится жизнь не только каждого человека в отдельности, но и всего человечества в Церкви – Граде Божиим и человеческом вместе.

В Богосупружестве совершается такое внутреннее соединение Существа Божьего с человеческим, что каждое из них как бы становится Богом, хотя ни то ни другое не изменяет природы своей. Св. Тереза и св. Иоанн Креста лично пережили брачное соединение человека с Богом, которое есть «нечто не только духовное, но и плотское, потому что есть величайшее явление человеческой Личности, а Личность весь человек, с духом и плотью». Св. Тереза и св. Иоанн показали, что полная личность заключается не в одном только духе и не в одной только плоти, а в соединении духа с плотью, в духовном и плотском вместе соединении брачной любви. Св. Иоанн Креста учит: «В брачном соединении души человеческой с Богом происходит между ними прямое касание существа к Существу», личности к Личности. В Богосупружестве «достигается такое (личное) соединение Существа Божия с существом человеческим, что каждое из них как бы становится Богом... и хотя здесь, на земле, не может произойти такое соединение во всей полноте, но все-таки оно выше всего, что ум человеческий может постигнуть». Весь путь человечества ведет к этой цели – к Богосупружеству.

18

Единственность человеческой личности есть признак ее Божественности, потому что Бог един. Он же и любовь, поэтому величайшее в мире явление Личности – Христос – есть и величайшее явление любви. «Отче праведный! И мир Тебя не познал, а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня... да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ио. 15, 12; 17, 25–26). Первая и последняя правда всего человечества, что Бог есть Личность – и человек тоже. Крайнего напряжения достигает воля к Личности в наиболее личном и внутреннем, брачном соединении человечества с Богом. В брачном соединении «Бог сообщает душе... страшную силу». Экстаз, «пронзение», Богосупружества, главного религиозного переживания св. Терезы и св. Иоанна Креста, и их предчувствие, что мир погибнет от разделения Церквей и что человечество может спастись только соединением Церквей, являются откровениями глубокого религиозного и метафизического значения. Знание их может помочь человеку твердо стать на ноги и выйти под новое небо, на новую землю: «Ибо мы (верующие во Христа), по обетованию Его, ожидаем нового неба

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
и новой земли, на которых обитает правда» (II Петр. 13).

Сила экстаза, чья высшая точка есть Богосупружество, – сила не только внутренняя, личная, движущая каждого человека в отдельности, но и внешняя, общественная, движущая целые народы, а может быть, и все человечество. Это понимала и св. Тереза, когда переключила силу экстаза из личного порядка в общественный, «социальный»: «Благо душе, познавшей истину в Боге (экстаз). О, как необходимо это познание людям, стоящим у власти! Какой порядок установился бы тогда в государстве и сколько бедствий было бы избегнуто... О, если бы я могла это сказать в лицо государю!» «кто делает упорные усилия, чтобы взойти на вершину совершенства (ту вершину экстаза, где происходит величайшее явление человеческой Личности в брачном соединении человека с Богом), тот никогда не восходит на эту вершину один, но всегда ведет за собою, как доблестный вождь, бесчисленное войско».

Всемирная, грядущая Церковь, Церковь Плоти Святой и Духа Святого, приведет человека к Преображению, Воскресению. Для достижения этой возвышающей истины необходима реформа ныне существующей Церкви. Это понимали св. Тереза и св. Иоанн Креста, каждый по-своему.

19

Та обитель, Благовещение, где провела она все тридцать лет – первую сознательную половину жизни своей, принадлежала к монашескому Братству Кармеля. Братство это, кажется, не только по своему, но и по общему, церковному преданию, было древнейшим из всех монашеских Братств, потому что основано было уже в Ветхом Завете Ильей-Пророком.

Не было три года ни дождя, ни росы на земле Израиля, так что люди умирали от жажды и голода, когда Илья, взойдя на гору Кармеля, далеко в море впадающий мыс, услышал первый из людей приближающийся шум дождя и увидел восходившее из-за моря малое «в пяту ноги человеческой» зеленое облачко. Медленно росло и росло оно и выросло, наконец, в огромную, обложившую все небо черную тучу и, оросив усохшую землю дождем, спасло людей от гибели.

«Облачко это, – толкует св. Иероним, – знаменует Матерь Божию, потому что Она, родив Богочеловека, оросила усохшую землю дождем Благодати и спасла погибший мир. А малость облачка знаменует пророчество, возвещенное Богом уже Адаму, тотчас же после грехопадения, в проклятии Змея Искусителя: „Будешь есть прах во все дни жизни твоей, и вражду положу между тобою и между Женою, и между семенем твоим и семенем Ее; будет оно поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту“, – вот почему и то малое облачко „в пяту ноги человеческой“, – „И семя Жены сотрет главу Змея“. Тот же символ и во всем искусстве средних веков – живописи и ваянии: Приснодева Мария попирает пятой своей голову древнего Змея.

Тотчас же после того видения Богоматери основано было, все по тому же преданию, Илией-Пророком там же, на горе Кармеля, монашеское Братство Приснодевы Марии, чьей первой обителью была пещера Илии на этой горе и чей первый Устав был дан Илией. В 1214 году этот Устав, некогда устный, был записан и утвержден бл. Альбертом, Патриархом Александрийским, а в 1226 году – папою Гонорием, а затем в 1248 году – папою Иннокентием IV. Но так суров был этот древний Устав, что люди не могли его вынести, и, в 1432 году, буллою папы Евгения IV, *Romani Pontificis*, он был «смягчен», *mitigatus*.

За две тысячи лет христианства люди, можно сказать, только и делали, что «смягчали», «умиловывали» слишком для них «жестокое» Христа; примиряли Его сначала с Маммоном и Велиаром, а потом и с Антихристом.

«Господи, неужели мало спасающихся?» – на этот вопрос Господь не отвечает прямо, может быть, потому, что ответ был бы людям слишком страшен, а отвечает лишь косвенно: «Тесными вратами подвизайтесь войти, ибо сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут» (Лк. 13, 23–24). Но и этот косвенный ответ очень страшен, а вот что еще страшнее: «Тесными вратами входите, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13–14). «Кто хочет идти за Мною, отвергни себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8, 34). «Какие жестокие слова! Кто может это слышать?» За две тысячи лет христианства люди, можно сказать, только и делали, что «смягчали» это, слишком для них «жестокое» в

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
учении Христа; крайнее в нем делали средним, трудное – легким, острое – тупым, ледяное или огненное – теплым; слишком божественный для человека путь совершенства делали слишком человеческим для Бога путем.

«Чем сделались христиане наших дней?.. Господи, я не могу этого вынести!» – скажет Тереза, и с этого начнется все ее великое дело, Реформа. Вынести люди не могут «жестокости», а Тереза – «смягчения» Христа.

К Братству Кармеля влекут ее три общих воли. Первая воля – к совершенству. «Если хочешь быть совершенным... следуй за Мною» – это «опечалившее» и утраченное «богатого юношу» – все человечество – слово Господне Тереза услышала так, как никто. Воля ее – цель всей Реформы – та, чтобы древний, суровый устав Кармеля был восстановлен в совершенстве, безо всякого «смягчения», *mitigatio*, чтобы среднее в христианстве снова сделалось крайним, легкое – трудным, тупое – острым, теплое – ледяным или огненным. «Тысячу жизней лучше бы нам, ветвям, потерять, чем отделиться от нашего ствола, пророка Илии, а Обутое („Смягченные“, *mitigati*) от него отделились». «Мы соблюдаем устав Кармеля безо всякого смягчения, так, как он утвержден, в 1248 году, папой Иннокентием IV», – скажет Тереза.

«Надо человеку измениться физически, чтобы сделаться Богом» и «богоподобным», святым. Древний, по преданию, от пророка Илии идущий и лишь очень немногим доступный, потому что слишком суровый, подвиг «самоумерщвления» – «самоизменения физического» – был отвергнут ослабевшим на Западе монашеством. К этому-то древнему – вечному подвигу и хочет вернуться Тереза, – от полу-христианства, Полу-Христа, – ко Христу Совершенному. «Пред Лицом Божиим одна совершенная душа драгоценнее бесчисленного множества обыкновенных (несовершенных) душ». Эта воля к совершенству и будет началом всей «Реформы Босоногих», *Reforma de los Descalzos*.

20

Вторая воля Терезы, общая с Братством Кармеля, – воля к действию. Братством пользуется она для того, чтобы переключить внутреннее на внешнее, созерцание на действие. «Когда я читаю в Житиях Святых, как они обращали людей ко Христу, то завидую этому больше, чем всем подвигам мучеников, потому что к этому призвал меня Господь». Чувствует она, что подвиг нового апостольства, обращения людей ко Христу, нужнее всех подвигов, именно в эти дни, когда «ересь» Лютера и Кальвина опустошает мир и Церковь. «Страшно подумать, как усиливается эта проклятая ересь... и сколько душ приобретает диавол». «Разве Ты не видишь, Господи, что враги Твои побеждают?» «В эти дни, узнала я... что Франция опустошается Лютеровой ересью... и как будто я что-нибудь могла, или что-нибудь значила, – плакала я с Господом моим и молила Его помочь людям в столь великом бедствии. Тысячу жизней отдала бы я с радостью, только бы спасти хоть одну из этих погибших душ. Но грешная и слабая женщина, я не могу служить делу Господню, как того хотела бы. Тогда овладело мною – и все еще владеет – желание, чтобы если у Господа так много врагов и так мало друзей, то, по крайней мере, эти друзья были настоящими. И я решила сделать то малое, что могла, следуя евангельскому учению во всем его совершенстве». «Что касается веры, я чувствую себя сильнее, чем когда-либо, и, кажется, не побоялась бы выступить одна перед целым сборищем лютеран, чтобы доказать, что они заблуждаются».

«Весь мир – в огне пожара». «С ересью пытались бороться силой оружия, но тщетно, потому что никакие человеческие силы этого пожара угасить не могут... Помощи следует ждать не от государственной власти, а от церковной». Как удивилась бы и ужаснулась св. Тереза, если бы знала, что один из тех тезисов, за которые Лютер, «диавол», отлучен был от Церкви, гласил: «Духу Святому противно сжигать еретиков». «Ересь есть нечто духовное: вырубить ее нельзя никаким железом, выжечь – никаким огнем, ни в какой воде – утопить; это делается только словом Божиим». «Что такое свобода совести? Дьявольский догмат» – согласилась ли бы св. Тереза с этим учением одного из ближайших учеников и другого «диавола», Кальвина?

«Снова хотят распять Христа и Церковь Его уничтожить» – ужасается и этому св. Тереза вместе с Лютером, «диаволом». «Как же Ты терпишь, Отец, такое поругание Сына Твоего? Да наступит же или конец мира, по воле Твоей, или конец этих бедствий... Не медли же, Господи, не медли, утишь волны пучины, заливающие корабль Церкви Твоей, – спаси нас, мы погибаем!» Цель Реформы и заключается для Терезы в том, чтобы сделать Кармель орудием этого спасения

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
мира и Церкви. «Видите ли, дочери мои, величие нашего дела? – скажет она в книге своей, „Путь Совершенства“, „Camino de Perfeccion“, истолковании древнего Устава Кармеля. – Я указала вам цель всех ваших молитв... и подвигов. Если же вы цели этой измените, то знайте, что вы не исполнили того, чего ожидал от вас Христос».

Людам действия должны помогать в борьбе люди созерцания. «Те, кому вверено знамя на поле сражения, хотя сами не дерутся, но подвергаются большим опасностям, потому что не могут отражать наносимых ударов и должны скорее дать изрубить себя на части, чем покинуть знамя: так же точно и люди, преданные созерцанию, должны держать знамя Христово и не покидать его, несмотря ни на какие опасности... Если простой солдат бежит с поля битвы, этого никто не заметит, а если бегут вожди и те, кому вверено знамя, то битва проиграна».

21

Третья воля Терезы, общая с Братством Кармеля, – воля к Экстазу. Братством пользуется она для того, чтобы переключить Экстаз из порядка личного в порядок общественный, «социальный», как мы говорим.

«Благо душе, познавшей истину в Боге (Экстаз). О, как необходимо это познание людям, стоящим у власти! Насколько бы оно должно быть дороже для них, чем обладание великими царствами! Какой порядок установился бы тогда в государстве, и сколько бедствий было бы избегнуто! Кто знает эту истину, тот не жалеет для нее ни жизни, ни чести. О, как это нужно для тех, кто призван... вести народы... Чтобы сделать только один шаг в деле веры и просветить заблуждающихся (еретиков) только одним лучом света, они должны были бы пожертвовать тысячами царств, потому что приобрели бы эту жертвою то Царство, которому не будет конца... О, если бы я могла это сказать в лицо государям! Я умираю от того, что не могу этого сделать... Боже мой, я отказалась бы от всех милостей Твоих, если бы только могла передать их людям власти!» Все это значит: движущая сила Кармеля, Экстаз, есть начало Царства Божия не только для каждого человека в отдельности, но и для всего человечества.

«Господи, зачем Ты не поставил меня на такое место, где бы я могла говорить обо всем этом громко? Может быть, мне не поверили бы, но, по крайней мере, мне самой было бы легче. Чтобы открыть людям хотя бы только одну из этих истин, кажется, мне ничего бы не стоило пожертвовать жизнью».

Все эти три воли, общих у Терезы с Братством Кармеля, – воля к совершенству, воля к действию и воля к Экстазу – сознательны, а четвертая воля – к соединению двух Заветов, Первого и Второго в Третьем, бывшего и настоящего в будущем, Отца и Сына в Духе – Матери, – эта, может быть, сильнейшая воля ее, бессознательна.

Братство Кармеля «совершенно Мариино», *ordo totus Marianus*. «Богу и Блаженной Деве Марии даю обет послушания, целомудрия и бедности», – обещал вступающий в Братство.

Мать Сына, земная дева Мария есть упование рода человеческого; люди поклонились Ей недаром: только Она и ведет их к Матери Небесной – Духу: это в Братстве Кармеля понято так, как нигде. Если есть у Сына Отец Небесный, то может ли не быть у Него и Небесной Матери?

«Сын Мой, во всех пророках я ожидала Тебя, да приидешь и да упокоюсь в Тебе, ибо Ты – Мой покой, *to es enim requies mea*», – говорит Мать-Дух, нисходя на Сына в крещении, в «Евангелии от Евреев», нисколько не менее исторически подлинном, чем наши канонические Евангелия.

Мать Моя – Дух Святой,
Ne meter mou to Hagion Pneuma, –
говорит сам Иисус в том же Евангелии.

В Братство Кармеля, первое из всех монашеских Братств на Западе, начали вступать женщины. «Господи, – скажет Тереза, – когда Ты жил на земле, то женщин не презирал, потому что находил у них столько же любви к Тебе и больше веры, чем у мужчин». Это было тогда, и снова будет в Кармеле... Мир спасет Вечная Женственность, – это поняла и сделала св. Тереза как, может быть, никто из святых. Вот почему в первый же, исходной точке Экстаза – в

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
«молитве успокоения, самопогружения», contentant me, «душа подобна младенцу на руках у матери, которая, играя, выжимает в рот его молоко, так что ему уже не нужно сосать груди»; в этой первой точке Экстаза, как созерцания, Бог есть не только Отец, но и Мать; и в последней точке Экстаза, как действия, Бог тоже Мать.

Главная движущая сила Терезы в обоих Экстазах – в созерцании так же, как в действии, – бесконечная любовь ко Христу. «Господи, единственное благо мое, Ты не брезгаешь такую жалкую тварью, как я! Кажется мне, что я читаю в Лице Твоем, что Ты утешен тем, что я – с Тобой. Как могло быть, что Ангелы оставили Тебя одного, и даже Отец Твой Небесный не утешил Тебя? Но если так и если Ты принял такие муки ради меня, то все мои – что значат? Пойдем же вместе; я буду следовать за Тобою всюду и пройду через все, через что и Ты прошел».

22

Так же, как во многих великих делах, все началось и в этом деле Реформы с маленького случая, – случая ли, впрочем, или Промысла Божия, – выбор и здесь, как везде и всегда, свободен.

Однажды в Терезиной келье, просторной, уютной и светлой, выходявшей окнами в сад, на вершины старых дубов, вязов и сосен, собрались те из молодых монахинь и учениц монастырской школы, которые больше всех ревновали о том же «пути Совершенства», camino de perfection, как и Тереза; все они от нее заразились этим святым безумием. Тут же была и племянница ее, Мария дэ Окампо, шестнадцатилетняя девочка, веселая и умная, но казавшаяся пустой и легкомысленной, думающей только о новых великолепных нарядах, а когда, через немного дней, постриглась она, то в темной и грубой монашеской рясе так же была весела, но еще прелестнее, чем в ярких шелках и золотой парче. Ей-то и суждено было сделаться первым «столпом Реформы».

«Трудно вести святую жизнь в обители, где так много монахинь, как у нас, в Благовещении», – говорили сестры, полусуто.

«Ну, так вот, что я вам скажу, сестрицы, – заговорила вдруг, уже совсем не шутя, Мария, и глаза ее загорелись тем огнем, который так хорошо знала Тереза. – Если бы все мы соединились сейчас, чтобы жить в совершенстве, как жили древние пустынники Кармеля, по уставу пророка Илии, и как все еще живут нищие братья св. Франциска Ассизского, то мы могли бы основать новую обитель для такой совершенной жизни...»

«А денег где возьмем?» – спросила сестра ее, Элеонора дэ Чепеда, такая же, как она, молоденькая девушка.

«Очень просто где – у меня: тысячу дукатов я дам из моего приданого», – ответила Мария, и только что ответила, как явился ей бичуемый Христос, с обнаженным, израненным и окровавленным Телом, точно такой же, как некогда – Терезе, и так же, как ту, благословил и эту на подвиг. И может быть, Мария ответила Ему так же, как Тереза: «Господи, или страдать с Тобой, или за Тебя умереть, – я больше ни о чем Тебя не прошу!» И вдруг все почувствовали, что Он – среди них и что первая обитель Реформы уже основана.

23

«Только что узнали в городе о нашем намерении, как поднялось жестокое на нас гонение», – вспоминает Тереза. Точно от камня, брошенного в воду, все лягушки заквакали. «Не было в городе почти никого даже из благочестивых людей, кто не считал бы нашего замысла величайшим безумием». «Все эти разговоры о новой обители только пустые бредни!» – решили благоразумные люди. И «ропот усилился... Жаловались и наши Благовещенские сестры, что я их осрамила, говоря, будто бы они живут не так, как следует монахиням». «Что мешает ей, – говорили они, – вести и в нашей обители такую же святую жизнь, какую ведут в ней столько сестер, лучших, нежели она?» «Некоторые даже полагали, что надо бы посадить ее в тюрьму, а может быть, и выдать св. Инквизиции».

Людям помогали и бесы. Только что выстроенная за ночь стена новой обители рухнула так внезапно, что задавила до смерти пятилетнего мальчика, Терезина племянника Гонзальво, того самого, чье возвращение к жизни приписали Терезе

как чудо воскрешения. Каменщики, воздвигавшие стену, были так искусны и честны, что Тереза была уверена, что обвал стены есть дело бесов. Только что узнали об этом в городе, как все возликовали, потому что увидели в этом явное знамение гнева Божия, и теперь уже никто не сомневался, что Тереза – вторая Магдалина Креста и что эта кончит хуже, чем та, – не в подземной темнице, а в огне костра.

«В то же время диавол, – вспоминает Тереза, – открыл людям, что были у меня видения и откровения об этом деле, и когда по городу пошли о том слухи, то многие (даже дружески ко мне расположенные люди) начали меня остерегать, что может быть сделан на меня донос Инквизиции. Но это показалось мне смешным, потому что я была слишком уверена, что отдала бы тысячу жизней не только за веру, но и за малейший из обрядов Церкви. Вот почему я ответила тем, кто остерегал меня, что плохо было бы душе моей, если бы я могла чего-нибудь бояться от Инквизиции, и что, если бы я имела малейшее подозрение в том, я бы и сама на себя донесла».

Сам Провинциал, главный начальник Кармеля в Старой Кастилии, о. Аджело да Салазар, сначала согласившийся на основание новой обители, вдруг испугался так, что взял свое согласие обратно, потому что «слишком трудным казалось ему идти одному против всех». «Но Бог даровал мне великую милость всем этим вовсе не тревожиться, – вспоминает Тереза, – так что я, отказавшись от этого дела так легко и радостно, как будто оно мне ничего не стоило, осталась в прежней обители Благовещения, спокойная и счастливая, потому что была уверена, что дело это совершится, хотя я и не знала когда и как». «Месяцев пять я ничего не говорила об этом и не делала... а по прошествии этого времени начал Господь побуждать меня возобновить дело мое и велел мне сказать... духовникам моим, чтобы они не отклоняли меня от него... Так я и сделала... и они мне позволили снова приняться за дело».

«В глубочайшей тайне попросила я одну из моих сестер (Жуану де Агумада), которая жила за городом, купить для меня дом и устроить его, как будто для себя самой... Трудно поверить, чего мне стоило достать денег, найти дом, выторговать цену и устроить его как следует. Все это лежало на мне одной... Дом казался мне таким маленьким, что я отчаялась устроить в нем обитель и решила купить другой, соседний дом, тоже маленький, чтобы устроить в нем церковь, но у меня не было для этого денег, и я не знала, где их достать. Но однажды, после Причастия, Господь сказал мне: „Не велел ли я тебе устроиться в этом доме, как можешь? – И потом прибавил: – О, человеческая алчность, все-то ты боишься, что земли тебе не хватит, а сколько раз я спал и на голой земле, не имея где преклонить голову!“ Страшно испуганная этим упреком, я со всех ног побежала в тот маленький домик, взяла план его и, убедившись, что можно в нем устроить обитель, уже не думала покупать соседний дом, а устроила этот, как могла, очень бедно и грубо, – только бы жить».

24

«Можно сказать, что все это дело совершил блаженный о. Пэдро д'Алькантара», – вспоминает Тереза. В самые черные дни гонений, когда все были против нее, только один о. Пэдро, из нищих братьев св. Франциска, глубокий старик, «с таким иссохшим телом, что члены его были подобны корням старого дерева», и с сердцем невинным, как у ребенка, был за нее, потому что верил, что в деле Реформы она продолжает путь св. Франциска. И что засвидетельствовал о. Пэдро на земле, засвидетельствовано было и на небе св. Кларой, ученицей Франциска. «В день ее, когда я шла в церковь причаститься, явившись в лучезарном сиянии, она повелела мне продолжить это дело и обещала помощь свою».

«Так как в новой обители я хотела жить в строгом заключении, в совершенной бедности и в непрестанной молитве, то не слишком надеялась найти для такой жизни много совершенных душ. Но сестры понесли иго свое с такою великою радостью, что считали себя недостойными столь святого убежища». «Однажды Господь на молитве сказал мне, что эта обитель для Него рай сладостей и что Он выбрал те души, которые хотел в нее привлечь».

А между тем в городе росло возмущение против Терезы, так что о. Провинциал вынужден был, наконец, призвать ее к себе на суд. Но она отвечала ему на все обвинения так разумно, спокойно и просто, что он понял, что судить ее не за что, и отпустил с миром.

«Два-три дня спустя собрались для совещания корреджидор, эшеваны, члены Соборного Капитула, и постановили единогласно, что так как новая обитель вредна для общего блага... то ее должно немедленно разрушить». Корреджидор потребовал, чтобы сестры, – их было всего четыре, – тотчас покинули обитель, и грозил, если они этого не сделают, выломать двери, чтобы войти силой. Но сестры ответили ему, что, имея законного начальника, они будут ждать его приказаний, и не вышли из обители, а выломать дверей он не посмел.

«Было и в простом народе такое волнение, – вспоминает Тереза, – что больше ни о чем не говорили, как об этом деле, и все меня осуждали, одни, обращаясь с жалобами к о. Провинциалу, а другие – к сестрам Благовещенской обители». Так, из-за четырех бедных монахинь, которые молились и постились в маленьком домике, казалось, что вражеское нашествие постигло город и что ему угрожает скорая и неминуемая гибель. Может быть, авильские граждане и не совсем ошибались, когда смутно предчувствовали в деле Реформы какой-то новый и страшный, не только им, но и самой Терезе непонятный бунт против государства и Церкви: если бы дело это совершилось как следует и как того хотела Тереза, то, может быть, спокойному благополучию не только авильских граждан наступил бы скорый и страшный конец.

Видя, что с пятью монахинями ему одному не справиться, город Авилы перенес это дело в Королевский Совет. «И началась великая тяжба, – вспоминает Тереза. – Посланы были ко двору выборные от города; должно было и нам послать своих, но для этого у нас не было денег, и я не знала, что делать». «Господи, – молилась она, – эта обитель – Твоя; для Тебя она построена, и теперь, когда никто ничего для нее не делает, Ты сам сделай все!» И молитва ее была услышана. Бывший духовник ее, о. Гаспар Даза, «святой рыцарь» г. Авилы, Франческо де Сальчедо, и многие другие духовные и светские люди заступились за нее в Королевском Совете, и буря гонений утихла.

25

В эти дни христианнейший король Филипп II, страшный «Эскуриальский паук», уже ткал свою паутину, в которой суждено было запутаться, как мухе, совести всего христианского мира. Славился король своим «благочестием» недаром: тридцать пять тысяч костров, на которых горели «еретики» в Нидерландах, свидетельствовали миру об этом благочестии.

«Как мог ты меня, рыцарь, – рыцаря предать в руки этих монахов?» – спросил однажды короля, проходя мимо него на костер, один из тридцати осужденных еретиков в Валадолиде.

«Если бы и родной сын мой был таким еретиком, как ты, я подложил бы дров в его костер!» – ответил король.

В мрачном дворце Эскуриала он жил, как монах, в таком уединении, что народ почти никогда не видел лица его. Месяцами ждали послы великих держав свидания с королем, а нищие монахи, если только молва провозглашала их святость, могли видеть его когда угодно. «Людям порядочным нет к нему доступа, а вшивую братию ласкает!» – негодовали придворные.

Столько наслышался король, может быть, от этой «вшивой братии» о новой великой святой в г. Авиле, яснейшей донье Терезе де Агумада, что просил ее молитв за себя и за королевство свое точно так же, как некогда мать его, императрица Изабелла, просила молитв у Магдалины Креста. Если же слышал он и о бывшем Терезе чудесном видении – «Бане Крови», то, может быть, в страшную Варфоломеевскую ночь 1572 года, того самого, когда совершилось «бракосочетание» Терезы с женихом ее Небесным, – вспомнил король эту страшную Баню и хотя совсем иначе, но почувствовал и он, как Тереза, что «по всему телу его льется кровь, такая горячая, как будто прямо из ран Господних», и это было ему так же, как ей, «невыразимо сладостно».

Слишком понятно, что, узнав о буре гонений, воздвигнутых на Терезу и на великое дело Реформы, король их защитил и что одного мановения руки его было достаточно, чтобы сделалась, как некогда на Геннисаретском озере, «великая тишина» после бури.

В то же время получено было разрешение от папы Пия IV основать новую женскую обитель св. Иосифа в г. Авиле, и «городские власти наконец решили, что если только обитель будет иметь доход, то они оставят ее в покое».

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoffo.org

«Думала и я, – вспоминает Тереза, – что большого зла не будет для обители иметь доход, пока вся эта смута не кончится, – с тем чтобы потом от него отказаться, и даже мне иногда казалось, что такова и воля самого Господа». «Жили мы прежде милостыней, и многого труда мне стоило получить на то разрешение Св. Отца, чтобы нас не принуждали жить на доход, нарушая обет нищеты».

В декабре 1562 г. Тереза перешла в обитель Св. Иосифа. Все ее имущество, при выходе из богатейшего монастыря Благовещения, была соломенная постель, железные вериги, веревка для самобичевания да ветхая, заплатанная ряса. Правнучка леонских королей, яснейшая донья Тереза да Агумада, сделалась «смиренною сестрой Терезой Иисуса».

«Было для меня предвкушением блаженства небесного видеть этот маленький домик, удостоенный присутствия самого Господа в Святейших Таинствах, и ввести в него четырех бедных сирот, великих служительниц Божьих».

Радоваться бы надо, казалось, что совершилось наконец великое дело, начало Реформы, но радости в душе ее не было: вдруг потухла радость, как пламя свечи, которую кто-то задул; знала кто, – диавол. Страшная тоска напала на нее – чувство какой-то вины бесконечной, – она сама хорошенько не знала какой, но, может быть, в младенчески невинных глазах о. Пэдро и в безмолвно вопрошающих глазах сестер, особенно Марии де Окампо, первой принявшей постриг в новом Кармеле, – читала она свой приговор, и ей казалось тогда, что, согласившись, чтобы обитель имела доход, она изменила Господу и предала Его лобзанием Иуды. «Дочь моя, да не будет монастырей с доходами, – такова воля Моя и Отца Моего», – помнила она эти слова, услышанные некогда из уст самого Господа, и вот захотела соединить бедность с богатством, Христа с Маммоном, как будто один и тот же Христос мог сначала сказать: «Блаженны нищие», а потом: «Блаженны богатые». О, насколько лучше были те внешние гонения людей, чем это внутреннее гонение врага! Вот когда бесы повалили новую стену обители так, что, падая, задавила она до смерти уже не младенца Гонзальво, а самое Терезу.

Хуже всего было то, что она уже не могла молиться о прощении, потому что знала, что если бы даже Господь ее простил, то сама она не простит себя никогда, и мучилась этим так, что ей казалось иногда, что уже и здесь, на земле, заживо начались для нее те вечные муки ада, о которых было ей видение, пять лет назад: точно втискивали ее и все не могли втиснуть в маленькую, выдолбленную в каменной стене ямку, – с такую <...>, как будто не другие, а сама она вырывала из себя душу. «О, скорее бы, скорей наконец, – за Магдалиной Креста на костер!» – может быть, думала она с отчаяньем.

Но и теперь, как уже столько раз, спасло ее чудо. В самой черноте ада мрака явился ей однажды Христос в таком лучезарном сиянии, что она не могла поднять глаза на лицо Его. Он ничего не сказал ей, – только посмотрел на нее так, что всех мук ее как не бывало, и снова была она так уверена в деле своем, так спокойна и радостна, как будто Он Сам вел ее за руку.

26

13 августа 1567 года авильские граждане с удивлением увидели, как четыре тяжелые, крытые полотном телеги, в каких ездят жида на сельские ярмарки, подъехали к воротам новой обители Св. Иосифа; как вышли из нее четыре монахини и нагрузили на телеги свой нищенский скарб; как вышла и «Мать Основательница», Madre Fundadora, – так теперь называли Терезу, – и, с помощью возницы, судя по смуглой разбойничьей роже, выкреста из мавров, избралась на одну из телег, держа в одной руке бутылку святой воды, а в другой – восковую куклу Младенца Христа, Niño, с которой никогда не расставалась, и уселась на соломе, среди четырех сестер, точно курица среди цыплят своих. Тут же пронзительно визжал поросенок, «должно быть, подарок какому-нибудь важному духовному лицу, покровителю», догадались граждане. «Гарр! Гарр!» – крикнул возница на тощих, ободранных мулов и защелкал бичом; сплошные, без спиц, деревянные колеса телег заскрипели оглушительно, и поезд медленно тронулся по большой Саламанской дороге.

К вечеру только узнали авильские граждане, куда и зачем выехала Тереза: в богатый торговый город Медина-дель-Кампо, чтобы и там основать такую же обитель Нового Кармеля, как в Авиле, и что будет их основывать во всех больших городах Испании – в Мадриде, Севилье, Толедо, Саламанке, Валадолиде, Бургосе. Громко люди говорить не смели, потому что знали, что

сам христианнейший король покровительствует Терезе; шептались только по углам, но эта ненависть тайная была еще ядовитее, чем явная. Говорили, что ей, как могучей ведьме, заключившей договор с дьяволом, ничего не стоит обмануть короля, весь королевский Совет и даже самого Великого Инквизитора так же точно, как обманула их Магдалина Креста; что осрамит она город Авилу не только на всю Испанию, но и на весь христианский мир и что, может быть, следовало бы потихоньку убить ее, сжечь и развеять пепел ее по ветру.

А в это время поезд Матери Основательницы все так же медленно двигался в лютом зное, по выжженным горам и пустыням старой Кастилии; поросенок визжал все так же пронзительно, – боялись что, не доехав до места, издохнет. В царственно-прекрасных, тонких и бледных, влажных от пота пальцах Матери восковая крашенная кукла Ниньо таяла, и краски линяли на ней. «Надо будет перекрасить заново бедняжку!» – думала она, как в бреду.

В полночь того же дня добрались наконец до Медины-дель-Кампо благополучно; только поросенок издох. На ночь остановились в купленном для новой обители полуразрушенном доме на улице Св. Иакова, а только что забрезжил день, маленький дребезжащий колокол уже возвестил удивленным гражданам Медины чудом выросшую за ночь, новую обитель. «Чтобы это сделать, нужно было мне великое мужество, а оно у меня, говорят, немалое», – вспоминает Тереза об этом чуде.

При свете дня оказалось, что новая обитель в худшем состоянии, чем думали: крыша и стены обвалились, так что алтарь и Чаша со Св. Дарами были почти на улице. Очень боялась Тереза, что еретики, которых в городе было множество, ночью, тихонько подкрадутся и, выплеснув из Чаши на землю Кровь, выкинув Тело Господне, растопчут их ногами. Стражу поставила она к алтарю, но, так как ей не очень доверяла, то сама сторожила всю ночь. Яркий лунный свет заливал одну половину улицы, а другая была вся в черной тени, и Терезе все чудилось, что крадутся там, ползут чернейшие тени Лютеров, Кальвинов – «дьяволов». Сторожили и сестры, по очереди, пока не починили крыши и стен.

27

В первых числах ноября явился в новую обитель молоденький студент Саламанкского университета, брат Жуан де Санто Матиа, кармелит из братства Обутых. Не довольствуясь смягченным уставом Кармеля, задумал он перейти в Картезианское Братство с уставом более строгим, о чем и пришел посоветоваться с Терезой.

Странное впечатление произвел он на нее. Ростом был так мал, – едва доходил до плеча ее, – что казался иногда совсем маленьким мальчиком; в тонких губах слишком маленького рта и в слишком тонком голоске его было что-то детское, а очень высокий, крутой и обнаженный лоб был похож на лоб древнего мудреца. «Маленьким Сенекой» назовет его Тереза, и прозвище это очень к нему подойдет. Ясные, большие, на выкате, не грустные, а только усталые, как у людей, слишком много читающих, глаза его светились таким умом, что ей казалось, что ни в чьих глазах человеческих не видела она такого ума. И во всем существе его, – особенно в кроткой, тоже как будто бесконечно усталой улыбке, – было то, о чем она подумала: «Это тишина высот».

«Незачем вам, брат Жуан, выходить из Кармеля, – ответила Тереза на его вопрос, – или вы не знаете о новом уставе нашего Братства?»

И сообщила ему все о великом деле Реформы. Слушал он ее как будто внимательно, но вместе с тем и рассеянно, точно думая о чем-то своем, более важном для него и глубоком.

«Оставаясь в нашем Братстве, могли бы вы достигнуть совершенства и послужить Господу апостольскою проповедью больше, чем где-либо, потому что благо всех выше, чем благо одного?» – заключила она.

Брат Жуан хотел ей что-то ответить, но промолчал; только тихая, едва уловимая и как будто насмешливая улыбка скользнула по его губам; но тотчас, опустив глаза, он потушил в них вспыхнувший было огонь.

Только много времени спустя поняла Тереза, что в этой беседе прикоснулась нечаянно к самому больному месту в душе его. «никогда никто из людей, кроме одного Человека, Сына Божия, не соединял и не соединит созерцания с действием» – этого он, может быть, и не думал, – только спрашивал себя, так

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
оно или не так, и не мог ответить на этот вопрос, горевший в душе его, как никогда не заживающая рана. К ней-то и прикоснулась Тереза, когда сказала, что действие, – благо всех, – выше, чем созерцание – благо одного.

Вдруг он встал, заторопился и, неловко поклонившись, поцеловал у нее руку.

«Ну, так как же, брат Жуан, что вы решили?» – спросила она его, немного удивившись.

«Что решил?» – не понял он сразу, должно быть, забыл, о чем шла речь, но тотчас же спохватился, покраснел и сказал:

«Ах, да, да... непременно... я перейду в ваше новое Братство, мать Тереза, если только не слишком долго надо будет ждать...»

С тем и вышел.

Странное, почти жуткое впечатление осталось у Терезы надолго от этого свидания. «Сразу поняли они друг друга», – вспоминает ее духовник, о. Жуан д'Авила. «Только что я его увидела, как он меня очаровал», – вспоминает и сама Тереза. «Брату Жуану не надо было проходить испытаний, потому что хотя он и принадлежал к Братству Обурых (с новым смягченным Уставом), но жил всегда в великом совершенстве». «Господа благодарю я за то, что для дела Реформы имею уже полтора монаха, *fratros e media*», – хвалилась она, шутя, немногим друзьям своим в Авиле. «Целый монах» был о. Антонио де Гередиа, игумен у Св. Анны в Медина-дель-Кампо, который тоже хотел перейти из Старого Кармеля в Новый, а «половина монаха» – маленький брат Жуан.

Так было снаружи, а внутри – не совсем так: кажется, в этом первом же свидании почувствовали оба, что страшно близки друг другу и страшно далеки, как будто разделяла их навеки какая-то невидимая, но непереступная для них черта, – может быть, то самое, что отделяет созерцание от действия – «благо одного» от «блага всех».

28

Брат Жуан вернулся от Терезы в Саламанкский университет, где кончил полный круг богословских и философских наук, а затем немедленно постригся в Новый Кармель, первым иноком мужского Братства, и Мать Основательница собственноручно сшила ему рясу.

Осенью 1568 года основана была в дикой и мрачной долине Дуруэло у подножия Сирры де Гредос третья обитель Нового Кармеля, первая мужская, где было всего три монаха: брат Жуан, принявший здесь впервые имя «Иоанна Креста», Juan de la Cruz, о. Антонио де Гередиа и еще один, никому не известный, смиреннейший монашек из Медина-дель-Кампо, брат Джозе де Кристо.

Новая обитель устроена была в такой жалкой лачуге, что и полуразвалившийся дом первой обители в Медина-дель-Кампо казался перед нею почти дворцом. Крошечная церковка новой пустыньки вся была наполнена множеством грубых, кое-как из сучьев связанных крестов и мертвых черепов. Кровля лачуги была такая дырявая, что через нее шел дождь и снег. Но, не чувствуя этого, иноки, погруженные в молитву, в долгие ночи, покрыты бывали снегом так, что ходили на три сугроба. Страшными самобичеваниями, постами, бдениями и железными веригами изнуренные, напоминали они живых мертвецов или диких зверей.

Мать Основательница, увидев их, ужаснулась. «Будучи трусливой и немощной, я молила их умерить эти подвиги самоумерщвления». Но они ее не послушались и даже как будто не поняли, о чем она им говорила. «И я поняла тогда, – заключает Тереза, – что здесь, в Дуруэло (мужской обители), Бог даровал мне большую милость, чем в женской обители св. Иосифа».

«Брат Жуан был всю жизнь святым», – скажет Тереза в конце жизни своей. «Света я ищу и здесь, и там, но нахожу его только в маленьком Сенеке моем». «Он, воистину, отец души моей». «Я нашла, наконец, человека по сердцу Господню и моему». Так восхищается Тереза Иоанном Креста, но кажется иногда, что восхищается им все-таки издали и не без тайного страха. Вечная между ними преграда подобна тончайшей и прозрачайшей, но крепчайшей стенке льда: видят сквозь нее и слышат друг друга, но соединиться не могут, и холодно обоим от этого льда.

Трудно женщине простить мужчину, который не только физически, но и метафизически, как бы ни сблизался с нею, не мог бы ее полюбить. Не было на свете мужчины, который меньше мог бы полюбить Терезу, чем Иоанн Креста, и не было на свете женщины, которая меньше могла бы полюбить мужчину, чем Тереза – Иоанна. Полом насыщены оба, как две, готовые разразиться грозные тучи насыщены молнийной силой, но разделены самым дурным проводником этой силы – стеклом: нет между ними ни полового притяжения, ни отталкивания, а есть только совершенное отсутствие пола, как бы ледяное скопчество. А между тем он нужен ей и она – ему, и даже именно здесь, в Божественной тайне пола, нужнее, чем где-либо, и, может быть, оба это знают; вместе думают только о ней, об этой божественной тайне, и мучаются только ею, но ничего не могут об этом сказать друг другу. «Мужество у него великое, но он всегда один, mas es solo», – скажет об Иоанне Тереза, но, кажется, то же мог бы сказать и он о ней.

29

В религиозном опыте, в действии, Тереза – одна из умнейших женщин, какие были когда-либо; но в отвлеченном, богословском и философском мышлении так беспомощна и невежественна, что этому иногда трудно поверить. Это, впрочем, она и сама хорошо сознает. «Трудно говорить ясно о самом внутреннем, а так как трудность эта соединяется у меня с глубоким невежеством, то я наговорю, конечно, много лишнего прежде, чем скажу, что нужно... Часто, когда я беру перо в руки, то у меня нет ни одной мысли, и я сама не знаю, что хочу сказать». «Я не понимаю, что значит слово „ум“ и какое отличие ума от души: мне кажется, что все это одно и то же». «Я иногда сама не знаю, что хочу сказать, но Бог делает, чтобы это хорошо было сказано. Если же я иногда говорю глупости, то этому не должно удивляться, потому что я от природы бездарна».

«Главное, не много думать, а много любить... Но, может быть, мы вовсе не знаем, что такое любовь», – это могло быть сказано «глупою» Терезой, с такою ослепительной, как бы математической точностью, если не под влиянием, то лишь около Иоанна Креста. Она и это хорошо сознает: «Не ему учиться у меня, а мне – у него». Но знает и он, что многому мог бы у нее научиться. «Я не буду говорить об экстазах, восхищениях, откровениях и других утонченных дарах духа, потому что обо всем этом уже достаточно сказано блаженной Терезой Иисуса в ее чудесных книгах». Это знает Иоанн, но знает и то, как могут быть опасны все эти «откровения» и «видения». Как знать, не утверждался ли он все более в поисках совершенного самозабвения, отсутствия всех внешних чувств и представлений, – того, что он называет «Темною Ночью», *poshe oscura*, по мере того как видел в религиозном опыте Терезы опасность самообманов, «галлюцинаций» по-нашему? Кажется, знает и Тереза, что Иоанн, чтобы достигнуть вершины созерцания, отталкивается от нее, отрицает ее и уничтожает в ее религиозном действии. Очень вероятно, что бывали такие минуты, когда она восставала на него больше, чем на того духовника, который советовал ей «открещиваться» от видений Христа и делать Ему «знак презрения», больше восставала на Иоанна Тереза, потому что чувствовала, что его соблазн глубже, тоньше и страшнее. «Если бы даже рушился весь мир, будь спокоен» – слыша эти слова от него, «отца души своей», может быть, испытывала она не меньший ужас, чем если бы слышала их от самого дьявола.

Что должна была она чувствовать, стоя перед ним на коленях и исповедуясь этому самому желанному, потому что самому страшному из всех духовников своих, когда видела вдруг на тонких губах его неуловимо скользившую, как будто насмешливую, улыбку?

«Как-то раз, на втором году моего настоятельства у Благовещения, – вспоминает она, – когда я причащалась, о. Иоанн Креста, разделив Гостию на две половины, одну из них дал мне, а другую – другой монахине». «Это он сделал, – подумала я, – для того, чтобы смирить, унижить меня, *me quegían mortificar*, потому что я однажды сказала ему, что вкушаю наибольшую сладость, когда Гостии большие, хотя и знаю, что это не имеет никакого значения, потому что Господь находится весь и в малейшей частице Св. Причастия».

Но если брат Жуан «смирят, унижает» Терезу, то и она – его. Однажды в г. Авиле происходил так называемый *vejamen*, полушутливое богословское состязание, подобное тем, какие происходили в тогдашних испанских

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
университетах. Предметом его были услышанные Терезой в видении из уст Господних таинственные и ей самой непонятные слова: «Ищи себя во Мне, *bescatu en mi*». Приняли участие в состязании ученейший богослов Авильского университета, бывший духовник Терезы, о. Жуан д'Авила, брат ее, Лоренцо, недавно вернувшийся из Перу, где разбогател, и под влиянием сестры, вступивший на «путь Совершенства» (в очень трудную минуту он спас дело Реформы, пожертвовав большие деньги для основания обители св. Иосифа), «святой рыцарь», Франческо де Сальчедо, и брат Иоанн Креста. Все они представили истолкования тех четырех таинственных слов Господних, а Тереза, избранная верховным над ними судьей, представила отзыв о каждом из этих истолкований. Вот отзыв ее об истолковании Брата Иоанна: «Да избавит нас Бог от людей таких духовных (как брат Иоанн), – что они не допускают ничего, кроме совершенного созерцания. Слишком дорого стоило бы людям, если бы они могли искать Бога, только умерев для мира. Ни Мария Магдалина, ни Самарянка, ни Хананеянка вовсе не умирали для мира, когда нашли Бога». Кажется, умнее, язвительнее и великодушнее нельзя было св. Терезе Иисуса отомстить св. Иоанну Креста за все его неуловимо-скользящие, как будто насмешливые над нею, улыбки.

«Кто делает упорные усилия, чтобы взойти на вершину совершенства, тот никогда не восходит на нее один – в созерцании, – но всегда ведет за собою, как доблестный вождь, бесчисленное воинство» – в действии. Может быть, и эти мудрые слова Терезы – камешек в огород Иоанна, чей главный первородный грех она так верно и глубоко поняла: «Он всегда один».

Кажется, то, что их так чудно и страшно соединяет и разделяет, изображается лучше всего в простодушной легенде Авильских монахинь о чуде «Поднятия на воздух», *levitacion*. Однажды, в Троицын день, о. Иоанн Креста и мать Тереза Иисуса находились в одной из многих приемных, *parlatorios*, Благовещенской обители, маленькой комнате с кирпичным полом, каменными стенами и потолком из темных дубовых брусьев. Он сидел на стуле, а она перед ним – на скамье за решеткой, разделявшей комнату. Он говорил ей о «возлюбленной тайне своей», божественной тайне Трех, как вдруг почувствовал, что подымается на воздух, и невольно ухватился обеими руками за стул. Но неодолимая сила подняла его вместе со стулом так высоко, что он прикоснулся головой к потолку. Той же силой поднята была и Тереза вместе со скамьей. Но оба они продолжали беседу как ни в чем не бывало. Когда же вошли сестры и увидели их, поднятых на воздух, то, может быть, не слишком удивились, потому что со многими из них самих происходило то же чудо; во внутренней или во внешней действительности, – этого они сами хорошенько не знали, потому что если и мать игуменья не умела отличить «ума» от «души», то где же было сестрам отличить внешнюю действительность от внутренней?

«Видите, дочери мои, – проговорила Тереза, опустившись на пол и как будто стыдливо извиняясь в чем-то, – нельзя говорить о тайнах Божьих с о. Иоанном, чтоб он не увлек за собою в Экстаз!»

«Нельзя говорить с о. Иоанном о Трех», – могла бы она сказать точнее, а если не сказала, то, может быть, потому, что слишком хорошо чувствовала, что этого никто не понял бы.

Что такое Экстаз? Буря около Трех. Это поняли только св. Тереза Иисуса и св. Иоанн Креста, но и они поняли это лишь чувством и волей – личным одиноким опытом, а если бы поняли и сознанием общественным – опытом Церкви, догматом, то, может быть, совершили бы Реформу так, что перевернули бы мир.

Очень знаменательно здесь то, что чудо Поднятия происходит с ними в Троицын день, во время беседы о тайне Трех, которая для них обоих есть по преимуществу божественная тайна брачной любви, и еще знаменательнее, что вечно разделяющая их преграда, как бы железная между ними решетка, даже здесь, в огне Экстаза, не плавится и не падает, а остается такой же незыблемой и навеки разделяющей даже в высшем порядке чуда – свободы, как и в низшем порядке необходимости – рабства.

Кто хочет видеть чудеса, пусть читает не Жития, а жизни таких великих святых, как Иоанн Креста и Тереза Иисуса. В минуту, самую нужную не только для обоих, но и для всего христианского мира, встречаются они и, разъединенные в сознании, соединяются в чувстве и воле, для общего великого действия – Реформы. Если это только бессмысленный случай, то что же такое чудо Промысла Божия?

Есть у Данте в «Раю» двойные души Святых, уносимые вихрем Экстаза и неистово кружащиеся, пляшущие, как двойные Солнца-Атомы, в неизреченной бездне блаженства. Св. Иоанн Креста и св. Тереза Иисуса – такая «Двойная Душа». Здесь, на земле, разъединенные, может быть, соединятся они там, на небе, и будут кружиться, плясать в огненном вихре Экстаза, или тихо-тихо падать, как тихие снежные хлопья, в неизреченное лоно Отца.

30

Только что Тереза соединилась с Иоанном Креста в деле Реформы, как сила ее возросла бесконечно. За три года, от 1568-го, когда она встретила с ним впервые, до 1571-го, основывает она семь обителей – в Мачеро, Магалоне, Валадолиде, Толедо, Пастране, Саламанке и Альбе-де-Тормес. А после вынужденного двухлетнего бездействия основания возобновляются, за последние восемь лет жизни ее, 1574–1582, с еще большею скоростью, в Сеговии, Вэсе, Севилье, Каракаве, Вилленеве-де-ла-Ксара, Паленчии, Сории, Гренаде и Бургосе. «Дух, оживлявший ее, был так ревностен, что не давал ей покоя», – вспоминает один из ее современников.

Все эти светлые обители – только малые семена великого сева, Царства Божия. И самое удивительное, почти невероятное, – то, что все эти основания происходят при величайшей бедности, так что у Матери Основательницы часто не в переносном, а в точном смысле нет ни гроша. Но «святая Дама Бедность» – мать святого Богатства, потому что св. Тереза уже знает, чего св. Франциск еще не знает, – что не только бедность, но и богатство может быть святым. Все эти основания Терезы – нечто небывалое, за все века христианской Церкви после Оснований ап. Павла.

Чтобы понять как следует не внутреннюю, чудесную, а хотя бы только историческую, внешнюю, сторону дела св. Терезы, надо вспомнить бывшую в Испании XVI века, после завоевания Нового Света, неодолимую тягу к монашеству, к уходу из мира: тем, кто завоевал землю, осталось завоевать и небо. Св. Тереза – великая Завоевательница, Конквистадор не внешнего, а внутреннего Нового Света. Донья Катарина де Кордона, воспитательница Дон Карлоса и Дон Жуана Австрийского, правнучка знаменитых герцогов Кордонских, тайно покидает двор, облачается в рубище и живет, как дикий зверь, в пещере, питаясь корнями и травами. Многие богатые и знатные люди живут и в миру, как монахи. Сам Император Карл V уходит в монастырь Св. Юста, а сын его, Филипп II – в подобный монастырь Эскуриальский дворец.

Но в этой общей тяге к монашеству Тереза находит только внешнюю помощь, а внутреннюю – в самой себе, в бесконечном мужестве своем. «Мне говорили, что это женщина; нет, мужчина и даже один из наиболее мужественных, каких я когда-либо видел», – скажет о ней один из близко знавших ее людей. «Я хотела бы, чтобы вы (сестры Кармеля) имели вид не женщин, а мужчин, и притом таких мужественных, чтобы и мужчины этому удивлялись», – скажет сама – Тереза. Мать Основательница и сестры Нового Кармеля – точно Амазонки в рясах. «Страстно желать, – в этом вся моя природа».

Мужества неисчерпаемый источник и будет для нее эта страстная воля. «Терпим голод, и жажду, и наготу, и побои; и скитаемся и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, – мы благовествуем; гонят нас, – мы терпим; хулят нас, – мы молимся. Мы, как сор для мира, как прах, всеми попираемый доньше», – могла бы сказать и св. Тереза, как ап. Павел (1 Кор. 4, 11–13).

«Книга Оснований», «Libro de las Fundaciones», св. Терезы есть книга великого мужества. Так же как «Дон-Кихот» Сервантеса, это одна из самых веселых, но вместе с тем и одна из самых грустных книг в мире, потому что истинно человеческое веселие почти всегда соединяется с глубокою грустью.

31

На тех же тяжелых скрипучих телегах, запряженных теми же ободранными мулами, как в первом путешествии, с тою же вечной бутылкой святой воды и восковой куклой Младенца Христа, то линияющей от дождя, то покрываемой снегом, то истаяющей от зноя, – отправляется Тереза во все путешествия. А там, где нет больших дорог и вьются только тропинки над пропастями, – едет верхом, и, когда, сорвавшись из-под копыта споткнувшегося мула камень летит с протяжным гулом и грохотом в пропасть, – не бледнеет, а только ласкает мула по шее; или даже идет пешком царственно прекрасными, «прозрачными и нежными, как перламутр», маленькими ножками в грубых лаптях, alpargate. И

это часто в таких местах, которые считаются разбойничьими гнездами, так что проводники отказываются ее провожать. Но ей ли, не боящейся Лютеров и Кальвинов, «диаволов», бояться испанских разбойников, все-таки добрых католиков? Мокнет до последней нитки под осенними ливнями, мерзнет под ледяными ветрами и вьюгами, задыхается от зноя в горных ущельях, где воздух пышет огнем в лицо, как из раскаленной печи.

Как-то раз в пути, когда сделался у нее сильнейший припадок лихорадки, сестры хотели освежить водой ее горящую голову, но вода нагрелась от зноя так, что не освежала ее. А в другой раз, перед въездом в Кордову, спасаясь от лютого зноя, рады были найти немного тени под мостом, вместе со стадом свиной.

Однажды, в половодье, когда переправлялись через Гвадалквивир на пароме, канат оборвался и бурное течение реки понесло паром с одной из четырех телег. Сестры молились и плакали; плакал даже Эстрамадурский пастух, который хаживал на медведя с рогатиной. А Тереза не плакала и не молилась, – она не любила молиться в опасности, – а лишь неотступно смотрела на крошечно-черное кручение омота. Чудом только спаслась, когда паром остановился на отмели.

Только что приезжали в гостиницу, – брали отдельную комнату, большую частью чулан где-нибудь на чердаке; кое-как завешивали дверь, и строгая мать привратница, стоя на пороге, никого не пускала в чулан. Брызгали обильно по всем углам святой водой из бутыли, потому что бесы в гостиницах не менее жирны, чем блохи в постелях и пауки по углам. А в это время, снизу, из общей комнаты, слышался стук игральных костей по залитым вином столам, ругань пьяных солдат, бродяг, ослиных погонщиков, разбойников и нищих монахов, непристойные песни и хохот слишком веселых девочек, а иногда и шум внезапной драки, яростные вопли, богохульства, лязг ножей и стоны раненых. Сестры бледнели, крестились и плакали, прижимались к матери-игумени, как испуганные цыплята к наседке.

В одной из таких скверных гостиниц, ventas, Тереза могла бы встретиться с Рыцарем Печального Образа, Дон Кихотом Ламанчским, и если бы они разговорились, то, может быть, почувствовали бы, что оба они – одного поля ягоды.

Однажды, после целого дня пешего пути по выжженной степи, дали им в гостинице жалкий, под самой крышей, чулан без окон, только с дверью, и когда открывали ее, то лютое солнце заливало весь чулан. Мать Тереза, опять в сильнейшей лихорадке, попробовала лечь в постель, но лучше бы на поле легла, потому что вся она была точно острыми камнями набита и с одной стороны так высока, а с другой низка, что на ней невозможно было лежать. И больная снова пустилась в путь, предпочитая возможный солнечный удар страшному ночлегу в этом чулане.

Однажды, промокнув под дождем до костей, пришла мать Тереза с сестрой Анной в гостиницу, где должны они были остановиться в общей комнате, потому что отдельной не было. Вышла сестра Анна поискать огня, чтобы согреть белье для Терезы, дрожавшей от озноба, а когда вернулась, то случившийся тут же пьяный гидальго начал осыпать их обеих непристойнейшей бранью, называя «старыми ведьмами» и «потаскухами». Бедная сестра Анна возмущалась и плакала, а мать Тереза слушала брань с таким удовольствием, что озноб у нее прошел, и она согрелась лучше от этой брани, чем от теплого белья.

Только что приезжали в город для основания новой обители, Тереза покупала дом, но не на деньги, а в долг, потому что часто не имела и двух мараведи в кошельке, а торговалась так, что самые ловкие плуты только почесывали головы.

«Ну, и жох баба, пальца ей в рот не клади!» – удивлялись они, и она считала это величайшей себе похвалой: «Ныне, когда Господь поручил мне основание обителей, я сделалась настоящим дельцом, и этому радуюсь».

Перед основанием Толедского монастыря было у нее целых три дуката, и она купила на них две иконы для алтаря, две соломенные постели и одно одеяло на всю будущую обитель. Дело было зимою, в лютую стужу, а в скверной лачуге, где они поселились на время, не было ни одного полена. Ночью сестры мерзли на бедных соломенных постелях своих, кое-как укрываясь только рясами. Мать-игумения, проснувшись однажды от холода, попросила у них чего-нибудь,

чтоб теплее укрыться, но сестры ответили ей, смеясь, что на ней уже все, чем только можно было укрыться. «А когда перешли наконец в купленный дом, то пиршество их по случаю новоселья состояло лишь из нескольких сардинок, да и для тех, чтобы изжарить их, не нашлось во всем доме ни щепки; наконец нашли немного хвороста, который послал им Господь. И в следующие дни было не лучше: яйца варили в заемной печерке, а соль толкли камнем». Но при всей этой бедности жили в величайшей радости; чем беднее, тем радостней. «Голодом крепости нашей взять нельзя, – говорили они вместе с Матерью Основательницей, – мы можем умереть от голода, но не можем быть побеждены». И Господь послал им не только охапку хвороста, но и 12 000 дукатов от усердного даятеля, на которые купили они для новой обители один из лучших толедских домов. И так – всегда, везде: в самую последнюю минуту, когда казалось, что все погибло, – вдруг чудом Божиим спасались.

32

Чуду Оснований, Fundaciones, равно только чудо Управления. Может быть, со времени ап. Павла не было такого совершенного строения Церкви, как у св. Терезы, и для обоих строений – одно основание: «Все – ничто без любви, *sin amor todo es nada*».

Главная, почти неодолимая трудность и сложность управления заключалась в том, что многими, иногда строптивыми и буйными сестрами надо было ей управлять издали, за много дней опасного пути через пустыни и горные дебри. «Я знаю по горькому опыту, что значит много женщин, собранных в одном месте, да избавит нас от этого Бог!» – жалуется Тереза. Вот почему она уменьшает до последней возможности число монахинь в каждой новой обители. «Так как по нашему уставу... мы живем только добровольными даяниями и милостыней, то не можем быть многочисленны». Число сестер вначале – двенадцать, и только впоследствии увеличено до двадцати.

«Дочери мои, заклинаю вас любовью Отца и Кровью Сына, – завещает она, – берегитесь строить большие и великолепные обители. Если же это случится, да обрушатся они на ваши головы, в ту самую минуту, как будут достроены... Малыми и бедными должны быть все наши обители... Будем в этом подобны нашему Царю, имевшему в мире только две обители – Вифлеемские ясли, где Он родился, и Крест, где Он умер».

Малые семена великой жатвы, – Царства Божия, – все эти пустыньки, но, чтобы семя выросло в колос, нужно, чтобы оно было действительно семенем Царства Божия, а это не всегда бывает, потому что диавол среди пшеницы сеет и плевелы. Достаточно и одной паршивой овцы, чтобы заразить все стадо. «Берегитесь монахинь, не доверяйте им: когда они чего-нибудь хотят, то умеют пускать пыль в глаза», – скажет Тереза в 1582 году, накануне смерти, последнему и величайшему другу своему, о. Джеронимо Грацияйо, апостолическому визитатору Нового Кармеля. «Нас, женщин, не так-то легко понять», – скажет она и другу, сотруднику своему, о. Мариано. «Вовсе не в том заключается искусство управлять паствою, чтобы видеть только собственные немощи свои; надо часто забывать себя и помнить, что стоишь на месте Божьем... Что Бог дает нам то, чего у нас нет, и что Он это делает для всех наместников своих, потому что нет среди них ни одного совершенного. Не предавайтесь же, отец мой, ложному смирению», – скажет она и злейшему врагу своему, генеральному викарию обоих Кармелей, о. Николаю Дория.

«Наша мать Тереза была бы на престоле королевой Изабеллой Кастильской, а Изабелла в монастыре была бы Терезой», – говорили о ней современники. «Когда она беседовала с вельможами и знатными дамами, то было у нее естественное чувство достоинства как у равной с равными», – вспоминает Рибера. «Мать наша, Тереза, беседовала с придворными вельможами и дамами свободно, любезно и весело, потому что, привыкнув беседовать с Царем царей, не боялась и сильных мира сего».

Как-то раз, еще до основания обители Св. Иосифа, пригласила ее к себе в Мадрид неутешная по смерти мужа вдова, одна из знатнейших дам в Испании, правнучка св. Фердинанда, короля Кастильского и св. Людовика, короля Франции, донья Луиза де ла Черда. Долго и упорно отказывалась Тереза ехать к ней и поехала только тогда, когда сам Господь сказал ей в видении: «Поезжай!» «В великолепном дворце ее, – вспоминает она, – испытывала я глубочайшее презрение ко всем земным величиям: чем царственнее казались они другим, тем большее ничтожество я чувствовала в них... Все это внушало мне только отвращение быть знатной дамой».

Однажды, по пути в Севилью, остановилась она с сестрами в открытом поле, близ гостиницы, где, должно быть, не нашлось для них места. Несколько солдат и других разбойничьего вида людей находились на том же поле. Вдруг поднялась у них ссора, и, выхватив ножи, начали они резаться. Сестры, в ужасе, кинулись к Матери, но та подошла спокойно к дерущимся и проговорила:

«Братья мои, подумайте, что Бог здесь присутствует и будет вас судить!»

«И, охваченные как бы сверхъестественным ужасом при этих словах, перестали они резаться, убежали и скрылись неизвестно куда, так что их больше не видели», – вспоминает Рибера. Под низко опущенным на лоб темным монашеским покровом не было им видно серебряного венца седых волос ее, но в царственном величии правнучки леонских королей был такой «признак власти», что от него-то, может быть, и бежали они «в сверхъестественном ужасе».

33

«Так неутолимо жаждала она унижения, чтобы разделить хоть в чем-нибудь позор Божественного Супруга своего, вольно, из любви к людям, унизившегося даже до смерти крестной, что искала всегда случая так же унизиться и уничтожиться, – вспоминает тот же Рибера. – Так, вползла она однажды в трапезную, с ношей камней на спине и с веревкой на шее, за которую тащила ее одна из сестер, говоря, что камни эти – ее, матери игумении, великие грехи».

Но, может быть, большее для нее унижение – то маленькое, глупенькое чудо, для глупеньких монахинь, на которое она согласилась, когда при замене тонкой ткани ряс грубою волосяною тканью, сермягой или дерюгой, где водятся всегда блохи и другие насекомые, велела она отслужить особый молебен, после чего будто бы все они вдруг исчезли лучше, чем от мытья, и больше никогда уже не появлялись.

Но это глупое чудо вовсе не противоречит, как может казаться, тому «совершенному здравому смыслу» и никогда не изменяющему ей внутреннему чувству меры, которые помогают ей и в действии так же, как в созерцании. Быть «настоящим дельцом» и даже как будто «плутом» с теми плутами, с которыми надо было ей торговаться, покупая дома для новых обитателей и не имея иногда ни одного мараведи в кармане, было ей не так трудно, как приобретать друзей и благодетелей в Риме «богатством неправедным». «Надо бы и нам, Босоногим, уметь, – в этом великая сила Обутых, – приобретать дукатами драгоценную помощь Римской Курии для дела Реформы», – учит св. Тереза Взятчица.

Как-то раз, в маленьком городке Манзанаресе, где остановилась она для ночлега, гостеприимный хозяин, зная, что она любит куропаток, подал их на стол.

«Вот так святая!» – пробормотала одна из служанок себе под нос, но так, что «святая» услышала.

«Дочь моя, – возразила она, смеясь, – лучше хвалите милосердие вашего хозяина и знайте, что когда куропатки, то куропатки, а когда покаяние, то покаяние, cuando perdiz – perdiz, у cuando penitencia – penitencia».

«Да избавит нас Бог от унылых святых! – говорила она. – Скучных людей и насильственных молитв я терпеть не могу». «Наша Мать Тереза, хотя и святая, но такая же простая, как все люди!» – не могли на нее нарадоваться сестры св. Клары, помня завет св. Франциска и ап. Павла: «Всегда радуйтесь», – что значит: просты будьте с простыми людьми и не брезгуйте их бедною радостью». Этого завета, может быть, не исполнил никто из святых лучше Терезы. Тех сестер, что, «поджавши губы, смеются», она терпеть не могла. «Лучше совсем не строить обитателей, чем принимать в них унылых монахинь: это гибель монастырей». «Тем, кто страдает унынием, надо пореже давать рыбу, а мясо почаще». «Лучше с врачом посоветуйтесь», – говорит она одной монахине, которая просит молитв ее, чтобы избавиться от беса уныния. «Часто уныние доводит людей до настоящего сумасшествия». «Следует считать уныние очень опасной болезнью и лечить его, как болезнь». «В противоположность всем остальным болезням, кончающимся выздоровлением или смертью, от уныния так же редко выздоравливают, как и умирают».

Меньше всего страдает этою болезнью сама Тереза: любит петь и плясать под звуки бубна и кастаньет; любит шалить и смеяться, как маленькая девочка. «Экая полоумная наша мать игумения!» – говорила она о себе и, может быть, хотела, чтобы говорили о ней сестры.

Однажды, в Саламанке, в 1571 году, в одну из самых тяжелых минут жизни своей, предгрозным, душным вечером, когда, смертельно усталая, хочет она незаметно пройти в келью свою из садика, где сестры, по обыкновению играют и беседуют в краткие часы отдыха, – одна из них, самая молоденькая послушница, подходит к ней и, ласкаясь, говорит:

«Что это, мать, вы уже уходите?»

«Я... нет, – отвечает она через силу. – Ну-ка, спой нам что-нибудь...»

И, радостно схватив бубен с кастаньетами, закружилась девочка сначала в тихой и медленной, а потом в неистовой пляске, под неистовую песню:

Veante mis ojos,
Dulce Jesus bueno!
Дай мне увидеть Тебя,
Иисус мой сладчайший,
Дай мне увидеть Тебя
И умереть!
Цвет Серафимов,
Иисус Назорей,
Дай мне увидеть Тебя
И умереть!

«Я вовсе не чувствительна, – напротив: сердце у меня такое жестокое, что это мне иногда самой тяжело», – скажет Тереза. «Страшные письма писала я ей, точно молотом била по наковальне», – вспоминает она об одной стропливой игумений Севильской обители, которая требовала, чтобы немедленно выехали из нее, потому что она нездорова, между тем как Тереза считала это прихотью. «Несколько хороших ударов бичом заставят ее молчать и не сделают ей никакого зла», – пишет она другой игумении об одной, как будто бесноватой, а на самом деле, может быть, только истеричной монахине. «В яму, в яму эту чуму, и чтоб она оттуда никогда не выходила. О, какое это великое зло! Бог да избавит нас от того, чтоб оно проникло и в наши обители, – лучше бы огнем испепелило нас всех!» – эти страшные слова пишет она о другой, еще более стропливой монахине и прибавляет, как общее правило: «Лучше умереть временную смертью немногим, чем погибнуть вечною – всем». Если правило это довести до конца, то будет св. Инквизиция. Не за то ли так любит св. Терезу не только «христианнейший» король Филипп II, но и весь насквозь пропахший жженым человеческим мясом герцог Альба?

Это, впрочем только одна сторона ее «жестокости сердца», а вот и другая. Правнучка леонских королей, ночью потихоньку встает она, обходит кельи и, становясь на колени, целует ноги спящих дочерей своих (бедных поселянок) и греет их дыханием своим, так осторожно и ласково, чтоб они не проснулись. «Бедными овечками Пресвятой Девы Марии называет их и смотрит с нежной улыбкой, как „эти маленькие ящерицы выползают из темных и холодных келий греться на солнце“.

Строится все великое дело Реформы на двух основаниях – на любви и на радости, но бывали и такие черные, страшные дни, когда внезапно пробуждалось в душе Матери Основательницы предчувствие великих бед.

В 1576 году вступила в Севильскую обитель молоденькая послушница, которая прославилась святою жизнью так, что мать игумения говорила сестрам, что «если эта новая сестра их не будет творить чудес, то пострадает от этого честь всей обители». Но скоро перессорилась она со всеми сестрами и, выйдя из монастыря, донесла Св. Инквизиции на мать игумению. Слухи прошли по городу, будто несчастных монахинь, подвешивая за руки и за ноги, жестоко секли розгами. «И если бы только это одно говорили! – жалуется Тереза. – С основания обители Св. Иосифа все было ничто по сравнению с тем, что я в эти дни испытала... Кажется, за всю мою жизнь я не чувствовала себя такой слабой и малодушной; я сама себя не узнавала... Бог отнял у меня руку свою, чтобы показать, что я без Него – ничто».

Может быть, в эти черные дни шевелилось в душе ее страшное сомнение во всем деле Реформы: если даже такие великие святые, как Бернард Клервосский и Франциск Ассизский, не спасли мира, не победили его, а были им побеждены, то что может сделать она, слабая из слабых, грешная из грешных? Может быть, шевелилось в душе ее и еще более страшное сомнение, в котором не смела она и себе самой признаться, – во всем «пути Совершенства» – монашестве: можно ли мир спасти, уходя из мира? Что, если дело Реформы – не малое горчичное семя, из которого вырастет великое дерево, Царство Божие, а что-то совсем другое? Что именно, не умела бы она выразить словами, но это было оттого еще страшнее.

Чем отличается вселенское христианство I–II века от римского католичества XVI века? Тем же, чем отличается жатва от парниковых растений. Первохристианство есть попытка передвинуть черту экватора к северу, чтобы изменить весь климат земли. Когда же попытка не удалась, и люди отчаялись в ней, то начали выращивать и в холодном северном климате редкие южные цветы и растения в особых теплицах – монастырях. Семнадцать новых Терезиных обителей – семнадцать новых теплиц, где всходят не смиренные колосья пшеницы и ржи – хлеб для голодных, а невиданные, чудовищно прекрасные цветы, подобные тем орхидеям, которые только что были привезены в Старый Свет из Нового, – роскошь для сытых. Этого, конечно, Тереза не сумела бы сказать, ни даже подумать, но, может быть, мучило ее иногда сомнение: что, если великое дело Реформы – только бессильная борьба с внешним холодом, идущим от «ереси Лютеров и Кальвинов, диаволов»? Чем сильнее холод, тем жарче топка печей в теплицах; но рано или поздно стекла их все-таки будут разбиты, ледяная стужа ворвется в теплицы, и все орхидеи погибнут.

35

«Как бы ни презирали нас и ни ругались над нами люди мира сего... мы выше звезд небесных; как бы враги Божии ни мучали нас и ни казнили... мы выше звезд небесных; как бы злые люди – псы и свиньи – ни топтали нас ногами... мы выше звезд небесных». «Радость для нас величайшая – знать, что все происходит по Предопределению Божию... потому что Господь поручил Ангелам своим охранять нас, так что если нет на то воли Его, – ни вода, ни огонь, ни меч не могут нам повредить». «Диавол на нас и мизинца не может поднять, если Бог ему не велит». Если бы св. Тереза услышала эти слова, то, может быть, почувствовала бы не болезненно-страстное и страшное благоухание орхидей, а знакомый с детства милый запах цветов. Но как удивилась бы она и ужаснулась, если бы узнала, что слова эти сказаны Кальвином, «Диаволом»!

Когда св. Иоанн Креста «смиряет», «унижает» св. Терезу Иисуса, разделяя на две половины Гостию, потому что «духовное присутствие Христа в Причастии действительнее вещественного», то, может быть, смутно чувствует она в этом уже «протестантский», «иллюминатский» соблазн; «Иллюминатами», *Alumbrados*, называли в Испании XVI века учеников Лютера и Кальвина. И когда Иоанн говорит Терезе на исповеди с неуловимо скользкой, как будто насмешливой, улыбкой о возможном «самообмане» в ее видениях и откровениях, то, может быть, и эта улыбка кажется ей «протестантской». Но всего страшнее для нее то, что в тех черных тенях «Лютеров и Кальвинов, – диаволов», что крадутся, ползут по залитой лунным светом Толедской улице, чтобы, выплеснув из Чаши Кровь и выкинув Тело Господне, растоптать их ногами, – кажется ей иногда, что она узнает и св. Иоанна Креста.

36

В эти дни «ересь» Иллюминатов не только тайно, в народных глубинах, но и почти явно, в высшем сословии, распространяется по всей Испании так, что проникает во дворец императора Карла V: один из его секретарей, дон Алонзо де Вальдес, и придворный проповедник, о. Вивес, – протестанты, а дворцовый капеллан, Казалла, даже почти явный учитель «ереси» в Старой Кастилии. В главном же гнезде «еретиков Толедо» имя Эразма известнее, чем в самом Роттердаме.

Вот основные точки соприкосновения испанских Иллюминатов с «ересью» Лютера и Кальвина: «Внутренняя молитва освобождает верующих от всех прочих обязанностей», внешних церковных молитв и таинств; «Тщетно ходатайство святых перед Богом», «Св. Гостия только кусок теста, *pedazo de masa*»; «В вере совершенные ни в каких внешних делах не нуждаются».

Но может быть, страшнее и соблазнительнее для Терезы то, что гонят

Иллюминатов, пытаются их в застенках и жгут на кострах Инквизиции не добрые и святые люди, а злые и преступные.

Если, при основании Толедской обители, Тереза не могла не узнать лично тамошнего архиепископа, Бартоломэо де Карранца, то он должен был казаться ей не только праведным, но и святым человеком. С каким удивлением и ужасом узнала она, так же как и весь христианский мир, что Примас Испании, великий святитель Церкви, Бартоломэо де Карранца, обвинен Св. Инквизицией в ереси Лютера и Кальвина. Узнала она также, что христианнейший король Филипп II ответил на это обвинение тем, что просил архиепископа «положиться на его королевское покровительство, и что, вызванный на суд Инквизиции, в Валладолид, тот, полагаясь на слово короля, старался лишь оттянуть это дело, потому что был уверен, что, только что король приедет в Валладолид, куда ожидали его со дня на день, как он, Карранца, будет спасен. Но Филипп II сжег бы собственноручно не только архиепископа Толедского, но и родного отца своего, императора Карла V, если бы тот оказался „еретиком“. С легкостью и даже считая это высшим христианским подвигом, нарушил он королевское слово свое и выдал головой Карранцу Великому Инквизитору, Фердинанду Вальдесу; жирную Толедскую муху отдал на съедение христианнейший король, высший Эскуриальский паук, низшему пауку подпольному, Великому Инквизитору. Если был на земле когда-нибудь негодяй совершенный, то это, конечно, Вальдес. Меньше всего думая о ереси, этот Гарпагон под маской Великого Инквизитора жег „еретиков“, большей частью знатных и богатых людей, так же спокойно, как мясник режет на бойне овец и баранов, только для того, чтобы грабить их не для Церкви, конечно, а для себя самого, сделав из этого более доходную статью, чем все золотые рудники Перу и Мексики.

Посланные в Толедо люди Вальдеса ворвались в архиепископский дворец, как разбойники, в полночь, когда святитель почивал, подняли его с постели, повлекли по пустынным улицам города и поспешно перевезли в Валладолид. В двух тесных комнатках с наглухо заколоченными окнами и без уборной, в знойное кастильское лето, задыхался он в смраде собственных своих нечистот.

В 1562 году Тридентский собор потребовал у короля дело архиепископа, «дабы прекратить этот небывалый в Церкви соблазн». Но король ответил отказом, требуя, чтобы Собор не вмешивался в дела Св. Инквизиции. «Лучше, – говорил король, – чем потерпеть малейшую ересь, я соглашусь потерять все мои владения и тысячу жизней, потому что не хочу над еретиками царствовать». Нехотя отказался Собор от требования своего, но объявил, что катехизис Карранцы, из-за которого началось все это дело, – добрая и святая книга.

Папа Пий V, бывший Великий Инквизитор, будущий святой, потребовал выдачи архиепископа вместе с делом его. Но Филипп, выражая свое «сыновнее послушание Св. Престолу», ответил, что архиепископ все же останется в Валладолидской тюрьме до смерти своей. Папа пригрозил королю отлучением от Церкви, и мысль, что он, «христианнейший», будет отлучен «на радость всем еретикам», ужаснула его так, что он наконец уступил, даже согласился сместить Великого Инквизитора Вальдеса «за непослушание Св. Престолу» и выслал в Рим все дело архиепископа, 40 000 страниц, на зло перепутанных инквизитором так, что нужны были месяцы, чтобы привести их в порядок.

Папа Пий V умер как раз вовремя, чтобы Св. Инквизиция избегла позора увидеть осужденного ею архиепископа оправданным Церковью; а нового папу, Григория XIII, легче было убедить в виновности Карранцы. Папа объявил его «весьма подозрительным во многих заблуждениях» и приговорил «торжественно отречься от них, совершив покаяние в семи главных Римских Церквях». Когда же, через неделю после этого, святитель умер, Филипп II имел бесстыдство сказать об этом человеке, которого довел до могилы:

«Он, говорят, умер, как святой, и я этому верю. Господь уготовал ему место злачно в раю, какое уготовляет всем святым своим!»

Очень знаменательно, что ни св. Тереза Иисуса, ни св. Иоанн Креста слова не проронили об этом страшном деле, как будто оно происходило где-то на другой планете. Но более чем вероятно, что Тереза все-таки неотступно следила за делом Карранцы и, может быть, самое страшное было для нее то, что она чувствовала Иллюминатство – Протестантство – не только извне, в других, но и в себе самой.

«Брат Луис де Гренада хочет, чтобы все были совершенными людьми созерцания

и знали то, что следует знать только немногим, а это весьма вредно для общего блага <Церкви>», – говорит доминиканец Мельхиор Кано в суде своем над «Катехизисом» Карранцы. Тот же приговор могла бы произнести и над св. Терезой если не вся Римская Церковь, то внутренне и нерасторжимо связанная с нею Св. Инквизиция.

37

«Всякий призванный к Благодати Христовой должен умертвить в себе похоть к познанию, *libido sciendi*... Кто обладает внутренним светом, должен отречься от (внешнего) света естественного разума», – учит иллюминат, гуманист Жуан де Вальдес, почти повторяя страшное слово Лютера: «Человеческий разум – величайшая блудница диавола». «Знание – великое сокровище... Да избавит нас Бог от невежественного благочестия!» – учит св. Тереза, но учит и совсем другому, вместе с Иоанном Креста, – такому же умерщвлению «похоти знания», *libido sciendi*, «величайшей блудницы диавола», какому учат и Жуан Вальдес и Лютер.

«Быть одной с Ним одним, *solā con El solō*», – говорит св. Тереза. Как удивилась бы и ужаснулась она, если бы узнала, что это говорит теми же почти словами и Лютер, «диавол»: «то, что происходит между Ним и мной», – между Ним, Единственным, и мной, тоже единственным. «В самое, в самое внутреннее, в самое глубокое, – в сердце души, *en lo miu, miu interior, en una cosa miu honda, en centro del alma*», – этот «путь Совершенства» у св. Терезы и Лютера один и тот же, а путь св. Игнатия Лойолы, так же как всей католической Реформы, – обратный: от самого внутреннего – к самому внешнему, от одного – ко всем.

Тот же иллюминат, Жуан дэ Вальдес, учит «самоуничтожению» человека в Боге, *aniquilacion*, теми же почти словами, как Лютер: «Самоуничтожение, самоотречение, даже до ада, *annihilatio, resignatio ad infernum*». «Должное получает Бог только тогда, когда человек совсем уничтожен», – учит Кальвин так же, как св. Иоанн Креста, учитель св. Терезы, в «темной ночи, *poshe oscura*, всех представлений, всех внешних чувств». Борется с ним Тереза, но не побеждает его, а побеждается им. «Бог есть все, а тварь – ничто», – скажет Иоанн Креста. «Надо искать Творца в твари», – скажет св. Тереза. «В твари ничтожнейшей, вызванной Богом из небытия, даже в муравье, – больше чудес, чем ум человеческий может постигнуть». Но бывали, вероятно, такие минуты, когда и ей так же, как Иоанну Креста, казалось, что «путь Совершенства», «путь на вершину Кармеля», ведет помимо всей твари – против всей твари; когда им обоим казалось так же, как св. Августину, не только во дни его манихейства, но и в дни христианства, что мир создан не Богом, а Противобогом – диаволом.

«Вечный Отец подает нам хлеб насущный в плоти Сына Своего... в Причастии... под видом хлеба и вина, – учит св. Тереза. – Только люди мира сего просят у Бога хлеба земного, но люди духа, монахи, довольствуются хлебом небесным, Евхаристией, а о хлебе земном не заботятся вовсе». Так, для св. Терезы главная мука мира сего – то, что люди наших дней называют «социальной проблемой», – из христианства выпадает. «Я испытываю иногда большое страдание от необходимости есть и спать». «Необходимо есть, – это иногда мне так мучительно, что я об этом горько плачу». «К Богу стремится душа, но вместе с тем чувствует, что ей невозможно обладать Богом, если она не умрет, а так как самоубийство не дозволено, то она умирает от желания умереть». Это и значит, по Кальвину: «Должное получает Бог только тогда, когда человек совсем уничтожен»; и по св. Иоанну Креста: «Бог есть все, а тварь – ничто».

«Без любви все есть ничто, *sin amor todo es nada*», – первую половину этого религиозного опыта св. Тереза иногда забывает, хотя и не так часто, как св. Иоанн Креста, и у обоих остается только вторая половина его: «Все есть ничто».

«Радости я не могу ни желать, ни просить у Христа... потому что Он сам имел на земле один лишь Крест», – признается Тереза. Крест помнит она всегда, а Воскресение слишком часто забывает. Даже и в «Прославленном Телес» воскресший Христос для нее весь в Крови, в страшной «Бане Крови». Так же и для нее, и для св. Иоанна Креста, как для Паскаля, «Агония Христа будет длиться до конца мира». Эта бесконечная любовь или, вернее, бесконечная жалость к Сыну так сильна у Терезы, что доводит ее почти до возмущения против Отца и до кощунственного ропота: «Как мог Ты согласиться, Отец,

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
чтобы Сын Твой каждый день отдавал Себя на растерзание?.. О, зачем, зачем Он всегда молчит? Зачем никогда не говорит за Себя, а всегда – только за нас? Неужели никого не найдется, чтобы защитить этого Агнца?» «Как может быть... чтобы даже Отец Твой Небесный не утешил Тебя?.. Но если так, пойдем же вместе; я хочу следовать за Тобою повсюду и пройти через все, через что Ты прошел», – через «агонию Христа, длящуюся до конца мира». Кажется иногда, что и св. Тереза соблазняется тем же опасным уклоном, как все Римское католичество, – что хочет и она страдать не только со Христом, но и за Христа, как будто не Христос за человека распинается, а человек – за Христа; не человек Христом искупляется, а Христос – человеком.

В эти именно дни появляются, может быть, не случайно две книги с двумя именами Реформы: «Установление христианства», «*Institutio Christianismi*», Кальвина, и ответ на эту книгу, «Восстановление Христианства», «*Restitutio Christianismi*», Михаила Сервета. Слишком иногда напоминает внутренняя католическая Реформа внешнюю, протестантскую. Это именно возможное совпадение двух Реформ и делается убийственным, потому что смертельно отравленным оружием в руках Обутых, *Calçados*, против Босоногих, *Descalzos*.

38

Новый Кармель, с восстановленным древним и строжайшим Уставом, давно уже был бельмом на глазу у Обутых: жили они целых три века со смягченным Уставом, *mitigatus*, в почете и покое, как у Христа за пазухой, и вот оказалось вдруг, что живут в смертном грехе, в отступлении от Христа. И хуже всего было то, что обличила их в этом почти никому не известная женщина, может быть, «одержимая бесами», вторая Магдалина Креста, Тереза Иисуса. «Некогда ходил Кармель под небом Божиим, а теперь пошел под бабьей юбкой, – срам!» – негодовали Обутые.

Первое гонение на Босоногих началось уже в 1571 году, когда, после основания обители Св. Иосифа в г. Авиле, вдруг испугавшись новизны великого дела Реформы, генеральный викарий обоих Кармелей, Старого и Нового, о. Бурэо, велел Терезе удалиться в прежнюю обитель ее, Благовещения, и прекратить основание новых. Длилось это невольное воздействие больше двух лет, от 1571 до 1574 года, но Тереза вынесла его сравнительно легко, потому что верила, что оно продлится недолго, в чем и не ошиблась: с 1574 года основания возобновились и продолжались беспрепятственно до 1575 года, когда Генеральный Капитул Обутых в городе Пиаченце, в Италии, пользуясь покровительством испанского короля Филиппа II и Св. Престола, задумал, под видом «спасения Реформы», уничтожить ее до конца.

В 1576 году Капитул Босоногих, собравшись в Альмадоваре, в Испании, в ответ на Пьяченский, постановил отправить полномочных к Папе, в надежде, что распря двух Братств легко будет прекращена Св. Престолом.

Бурей в стакане воды может казаться вся эта постыдная и жалкая свара монахов, но если глубже в нее взглядеться, то она окажется чем-то совсем иным. Новый генеральный викарий обоих Кармелей, о. Джеронимо де Тостадо, послан был в Испанию не для «спасения», а для уничтожения Реформы – это сразу поняла Тереза. «Вы должны подчиняться о. Тостадо только в том случае, если он не пойдет против Апостолических визитаторов, ваших непосредственных начальников, потому что это было бы для нас совершенную гибелью», – пишет она отцам Альмадоварского Капитула. Но о. Мальдональдо, правая рука о. Тостадо, считает несомненным, что Босоногие «нарушили святое послушание Церкви» и, следовательно, должны подчиниться не Апостолическим визитаторам, а генеральному викарию. Как выйти из этого противоречия двух властей? «Может быть, следовало бы нам обратиться к покровительству какого-либо кардинала», – робко замечает Тереза, но, кажется, чувствует сама, что это вовсе не выход. Хуже всего то, что противоречие углубляется соперничеством светской власти с духовною, потому что христианнейший король Филипп II хочет сам управлять испанскую Церковь, только с помощью папского нунция. И еще хуже то, что Братство самих Босоногих раздирается внутренней распрей, более глубокой, чем внешняя распря их с Обутыми. «Да простит их Бог, – скажет Тереза по поводу Альмадоварского Капитула. – Кажется, они могли бы избежать всех затруднений, если бы только пошли другим путем – <не братоубийственной вражды, а любви>. – Наш о. Иоанн Креста этим весьма опечален». В Альмадоварском Капитуле Иоанн открыто обличает Босоногих в «жажде власти» и в «церковном вельможестве»: «Язва эта неисцелима... потому что дает им вид совершенства, так что кажется, что и бороться с нею грех». Язва эта – в самом сердце Нового Кармеля так же точно, как и Старого; это

видят оба, Иоанн и Тереза, и, может быть, думают: «Стоила ли свеч игра?» Как глубоко чувствует язву Тереза, видно по тому, что, боясь, как бы Обутые не отравили возлюбленного сына ее и главного, после Иоанна, вождя Реформы, о. Джироламо Грациано, кормит она его потихоньку и против устава, в женской обители, в Севилье, и даже посылает ему противоядие, умоляя всегда иметь его при себе, а в эти же дни граф Тендилла, человек великой ревности в делах веры и злейший враг Босоногих, грозит заколоть его кинжалом.

В 1577 году долго собиравшаяся буря наконец разразилась. Посланные о. Тостадо монахи, вместе с солдатами, окружив обитель Благовещения в г. Авиле, выломали двери, ворвались в кельи, схватили о. Иоанна Креста и бывшего с ним о. Германа, которые отдались в руки палачей, братьев своих, «как агнцы безгласные», избили их так жестоко, что у о. Германа кровь пошла горлом, а о. Иоанн страдал от последствий этих истязаний до конца жизни, и отвезли обоих в Толедо, где заточили в тюрьму.

39

В эти дни Тереза делает «хорошее лицо при скверной игре». «Мы пострадем, но не погибнем», – говорит она с ясной улыбкой, но, может быть, улыбка – для всех, а для нее самой – ужас, и самое для нее ужасное то, что мирская власть в этом деле соединилась с властью духовною, христианнейший король – со Святейшим Отцом, для уничтожения Реформы. В страшную рождественскую, а для нее Гефсиманскую ночь 1578 года, может быть, скорбит она, сама себе не смея признаться в том, о гибели не только Реформы, но и всей католической Церкви. «Весь мир – в огне пожара; снова хочет она распять Христа и Церковь Его уничтожить». «Не медли же, Господи, не медли... спаси нас, мы погибаем!» – это могла бы она сказать и теперь, как пятнадцать лет назад, при самом начале реформы.

Вспомнила, может быть, она, в эту страшную ночь, о давнем покровителе своем, короле Филиппе П. Так же, как Дон Кихот, он – «Рыцарь Печального Образа», только обратный, – не добрый, а злой. Старый «царь Похоти»[1] в «тайниках» Эскуриала, camerinos, жадно читает он по ночам вещи свитки древней Сибиллы, св. Терезы, – «Жизнь», «Душу» ее, отданную на суд его Св. Инквизицией». В этих же тайниках прочел он, может быть, и это письмо ее, написанное в ту страшную Гефсиманскую ночь: «Ваше Величество! Он[2] назначен провинциальным викарием, кажется, только потому, что умеет лучше других делать мучеников. Весь г. Авилы возмущен; все недоумевают, как смеет он, не будучи вовсе прелатом и не имея на то никаких полномочий, преследовать братьев Нового Кармеля, подчиненных только одному Апостолическому комиссару, и это в месте, столь близком от пребывания Вашего Величества. Кажется, он не страшится ни человеческого суда, ни Божьего... Давно уже хотел он схватить их.[3] Я предпочла бы видеть их в руках Мавров, у которых, может быть, нашли бы они больше милосердия. Что касается этого великого служителя Божия,[4] он так ослабел от всего, что вынес, что я боюсь за жизнь его. Именем Божиим умоляю Ваше Величество освободить его немедленно... Всюду грозят Обутые истребить босоногих... Если Ваше Величество не поможет нам, то я не знаю, чем все это кончится, потому что нет у нас на земле иной защиты, кроме вас».

«Слишком быстро за его улыбкой следует кинжал», – говорили о короле хорошо знавшие его придворные. Если знала об этом и Тереза, то, посылая ему письмо свое, может быть, думала, чем-то он ответит ей, – «улыбкой» или «кинжалом»?

Десять лет назад, в 1569 году, заехав однажды, по пути из Авилы, в Толедо, для основания новой обители, передала она королю, через принцессу Жуану, какой-то остерегающий тайный совет или откровение свыше, и, пораженный, может быть даже испуганный этим, король пожелал видеть «святую». Только придворный этикет помешал им увидеться тогда, но если бы «старичок» Филипп II встретился со «старушкой», vejezuela, Терезой и поговорил с ней по душе, то чем бы кончилась эта беседа «царя Похоти» с «царицей Любви»? Поклонился ли бы он ей, как «великой святой», или отправил бы ее на костер, как «Иллюминатку», повинную в «злейшей ереси»? Признала ли бы она его слугою Бога или дьявола? Очень вероятно, что ни тем ни другим беседа их не кончилась бы, а разошлись бы, не поняв, не услышав и не увидев друг друга, как два существа, живущие в двух разных мирах. Ни страшного и гнусного дела архиепископа Толедского, ни сыноубийства, совершенного Его Католическим Величеством перед лицом всего христианского мира, ни 35 000 костров герцога Альбы, ни Варфоломеевской ночи, одного из величайших злодейств всемирной истории, для св. Терезы Иисуса так же, как для св. Иоанна Креста, не

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
существует вовсе, как будто не на земле живут они оба, а на другой планете. «Ангелам подобны эти (святые): что о грехах человеческих надо скорбеть, знают и Ангелы, но даже в милосердных делах своих не ведают человеческой жалости; так же и эти люди», – скажет св. Иоанн Креста. Этого не скажет св. Тереза, но, может быть, бывали у нее такие минуты, когда мучилась она, что этого не может сказать. Между Богом и миром все мосты для Иоанна сломаны, а для Терезы поколеблены, потому что в Боге «все есть ничто, *todo es nada*».

На этот раз ответил Филипп II Терезе и великому делу Реформы не «кинжалом», а «улыбкою».

«Кажется, вся вражда Обурых к Босоногим – только из-за того, что эти ведут жизнь более святую, чем те, – сказал король папскому нунцию, кардиналу Сэга, только что назначенному генеральным викарием обоих Братств. – Вы очень обязали бы меня, монсиньор, если бы защитили это доброе дело, [5] потому что все говорят, что вы Босоногих не любите и несправедливы к ним».

Это было сказано так, что кардинал понял, что противиться королю опасно, и, скрепя сердце, покорился воле его, затаив тем злейшую ненависть к Терезе и к делу Реформы.

«Не говорите мне о ней, – отмахивался он от всех ее заступников. – Это вечная бродяга, беспокойная и непослушная женщина, такая тщеславная, что хотела бы всех учить, вопреки тому, что повелел ап. Павел: „Жены да безмолвствуют“».

В 1580 году буллой папы Григория XII сделано было наконец то, о чем Тереза едва смела мечтать, – разделение Кармеля на два, друг от друга независимых Братства, Обурых и Босоногих. Но, кажется, тайное жало сомнения и страха останется в сердце ее до конца дней: это видно по тому, что говорила она во дни гонений и что кажется, в устах ее, почти невероятным: «Страшны мне дела Рима!»

40

«Знайте, что душа моя из тех, которые не легко вести принуждением». «Лучше сломаться, чем согнуться, *antes quebrar que doblar*» – так говорит и чувствует Тереза всю жизнь. Что же, «сломалась» она или «согнулась» перед Римскою Церковью? «Страшны дела Рима», и одно из страшнейших – то, что такие люди, как св. Тереза, должны не только «согнуться», но и «сломаться», чтобы войти в Римскую Церковь. Если так, то личный первородный грех ее – тот же, как у Лютера и Кальвина, хотя и совсем в ином религиозном порядке, не против Римской Церкви, а с нею, – отказ от свободы. «Больше для меня значит одно только слово церковного начальника моего или духовника, чем все откровения Свыше, потому что я могу ошибиться в них, а в послушании – не могу». «Истинное сокровище наше есть глубокое смирение, великое самоумерщвление и послушание, которое, видя самого Бога в каждом начальнике Церкви, подчиняется ему во всем». Если это довести до конца, то значит: Церковь для св. Терезы больше Христа, и даже как будто для самого Христа Церковь больше, чем Он сам.

Вместе с Иоанном Креста терпит и она, «как агнец безгласный», гонения Обурых не только на себя, но и на святое дело Реформы; оба терпят эти гонения без всякой пользы для себя и для дела, потому что, как бы ни покорялись Обуртым, все-таки для них они «мятежники», «волки в овечьей шкуре».

Может быть, вспоминая всю свою жизнь, видела она себя в самом начале ее между Иисусовым Обществом в монастыре Сан-Жиля, в г. Авиле, и могилой Великого Инквизитора Торквемады в монастыре Санто-Томазо, в том же городе. Будет она и потом, до конца жизни, между двух огней. Плуг Св. Инквизиции взроет для сева ее кровавые борозды. Вся «Жизнь», «Душа» ее, *mi alma*, будет под судом Инквизиции.

Как относится дело ее, Реформа, к делу Инквизиции, – этого вопроса, кажется, она не услышит вовсе, а между тем ответом на него, потому что с ним связан и вопрос о том, как относится ее Реформа ко всей Римской Церкви, – решаются судьбы Терезина дела.

Книга Макиавелли «Государь» будет переведена на все языки христианского мира, и язык Макиавелли сделался языком не только св. Игнатия Лойолы, но и

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
всего Иисусова Общества и даже всей католической Церкви. Этого не могли не чувствовать св. Тереза и св. Иоанн Креста. Что же они об этом думали – тоже вопрос без ответа.

Слишком умные и добрые отцы-иезуиты, «эти благословенные люди», *esos benditos hombres*, как называет их Тереза, будут ее духовниками всю ее жизнь. Жалки и беспомощны робкие попытки ее освободиться от них. «Эти отцы хотят, чтобы мы их слушались во всем... Если то, что они говорят, не всегда хорошо, то надо им это прощать, потому что мы нуждаемся в их помощи... Но они очень боятся, да простит им Господь! Но если мы, дети Кармеля, следуем путем Господним, то и люди, носящие имя Иисуса, [6] не могут от нас удалиться, хотя слишком часто нам этим грозят». «Пусть из вас [7] первая, кто прочтет эту книгу, исправит ее, или сожжет, я ничего не потеряю». Это говорит Мать Основательница сестрам о книге своей, «Путь Совершенства», – основании Кармеля и всего великого дела Реформы. То же могла бы она сказать и слишком умным и добрым отцам-иезуитам. Кто-то из них, «только шутя», как сам признается, велит ей сжечь ее «Истолкование к Песни Песней», и она покорно сжигает его, а между тем «многие сведущие люди» говорили ей, что «читали книгу эту, как св. Писание». Сожгла ли бы она с таким же легким сердцем не только мнимое, свое, но и настоящее Св. Писание, помня великое правило св. Игнатия Лойолы: «Будь послушен, как труп, *perinde ac cadaver*»?

«Дочь моя, да не будет монастырей с доходами, – такова воля Моя и Отца Моего», – слышит Тереза из уст Господних, стоя перед Чашей со Св. Дарами, а когда услышит из уст отцов Тридентского собора: «Монастыри должны иметь доходы», то послушается не Христа, а этих отцов покорно, «как труп».

41

В 1577 году, том самом, когда началось гонение Римской Церкви на великое дело Реформы, св. Терезе было видение Христа с обнаженным и окровавленным Телом, бичуемого уже не римскими воинами, каким видела она Его, двадцать лет назад, только что приступая к делу Реформы, а римскими священниками, и услышала из уст Его: «Вот что сделали со Мною начальники Церкви!»

Сделали это все начальники Церкви, но, может быть, больше всех – Верховный Начальник Христа, Папа. Если какое-либо из видений св. Терезы подлинно, то уж конечно это.

Очень знаменательно, что почти всеми жизнеописателями ее до наших дней умолчано оно, так что мы ничего бы не знали о нем, если бы один из них, слишком откровенный или простодушный, не проговорился.

Когда очень добрый и умный иезуит, о. Бальтазаро Альварец, духовник Терезы, велит ей «открещиваться» от Того, кто умер за нее на кресте, и «делать Ему знак презрения», то слушается она и этого «страшного и отвратительного» для нее веления «покорно, как труп», но молит прощения у Господа, и Он не только прощает ее, но и хвалит: «Ты хорошо делаешь, что слушаешься наместников Моих в Церкви». А когда те, кто считает ее обманутой видениями Христа, запрещают ей молиться Ему, то Он кажется разгневанным и велит ей сказать им, что «это – тиранство», «*aquello era tirania*». Только что требовал от нее Христос послушания этому «тиранству»; чего же требует теперь, – все ли еще «трупной покорности» или восстания, освобождения? Этого св. Тереза не знает и никогда не узнает. Но если бы она не подчинилась «тиранству», не ползала бы, как полураздавленный червь у ног тех самых «начальников Церкви», которые избивают Христа до крови, то более чем вероятно, что они сожгли бы и ее точно так же, как не менее святую Жанну д'Арк. Это и значит: личный первородный грех св. Терезы и всей внутренней Реформы – тот же, хотя и в совсем ином религиозном порядке, как у Лютера, Кальвина и у всей внешней Реформы – отказ от свободы. Но как бы ни хотела она отречься от свободы, от жизни, она не может этого сделать, потому что живой человек не труп. Кажется, св. Тереза и св. Иоанн Креста, отдаваясь покорно, «как агнцы безгласные», в руки начальников Церкви, гонителей святого дела Реформы и самого Христа, – все-таки, сами того не желая и не сознавая, восстают на них и борются с ними так же точно, как Лютер и Кальвин; вся разница лишь в том, что эти отлучены от Римской Церкви явно, а св. Иоанн Креста и св. Тереза – тайно: «Новую обитель свою в Севилье основала она, как отступница, отлученная от Церкви, *que apostata y que descomulgada*», – скажет один из ее современников, верный служитель Римской Церкви. Но и св. Тереза и св. Иоанн Креста могли бы сказать так же, как Лютер на Вормском Соборе: «Я здесь стою; я не могу иначе; да поможет

мне Бог!»

42

«Пишет мне о. Анжело де Саразар, что я могла бы спастись, обратившись к св. Отцу, как будто это может меня утешить, – скажет Тереза, в те черные дни, когда все дело Реформы кажется ей безвозвратно погибшим. – Но каковы бы ни были муки мои, мне и в голову не пришло бы послушаться Рима». Это, с одной стороны, а с другой: «Как ни тяжело для меня и ни убийственно идти против моего начальника – <а может быть, и Начальника всей Римской Церкви, папы>, – я не должна покидать великого дела Господня» – Реформы. Это значит: в деле Реформы св. Тереза должна идти, может быть, не только против своего начальника, но и против всех начальников, против всей Римской Церкви. «Я должна слушаться Римской Церкви; я не должна ее слушаться», – это противоречие так же безысходно для св. Терезы, как для св. Иоанна Креста. Может быть, именно здесь, в этой неутолимой муке о Церкви, оба они чувствуют, как вечно, метафизически нужны друг другу. Так же и в той же муке нужны они будут всем, кто, выйдя из католической, православной или протестантской Церкви, будет искать Единой Церкви Вселенской.

«Я испугана злым колдовством, encantamiento, тяготеющим на брате Иоанне Креста», – признается Тереза. Но откуда же идет это «злое колдовство», если не из Римской Церкви? Вот почему и «страшны ей дела Рима».

Кажется, оба они, св. Тереза и св. Иоанн Креста, чувствуют, что «весь мир в огне пожара», что «снова хочет он распять Христа и Церковь Его уничтожить», и что хотят, может быть, не только «еретики», «иллюминаты», «протестанты», но и те, кто сжигает их на кострах. «Не медли же, Господи, не медли, утишь волны пучины, заливающие корабль Церкви Твоей, спаси нас, мы погибаем!» Может быть, это молитва не только св. Терезы и св. Иоанна Креста, так же как Лютера и Кальвина. «О, Господи, какой Ты верный друг! ..Все рушится кругом, но если Ты меня не покинешь, то и я – Тебя. Пусть же все учителя Церкви восстают на меня, пусть люди гонят меня; пусть диаволы мучают, – что мне до этого, если ты со мной?» – молится св. Тереза; может быть, так же мог бы молиться и св. Иоанн Креста вместе с Лютером и Кальвином.

Главную причину неудачи обеих Реформ, внутренней и внешней, лучше всего объясняет, сам того, конечно, не желая и не сознавая, св. Иоанн Креста: «Совершилось, consumatum est», – «Ждать от Бога новых откровений – значит требовать от Него второго явления Христа» Если так, если все уже «совершилось» и больше нечего людям ждать от Бога, то, в самом деле, никакая Реформа, никакое Преобразование Церкви, ни внешнее, ни внутреннее, не только невозможно, но и не нужно.

«Здесь[8] должна быть какая-то глубокая тайна, и это когда-нибудь узнают все», – верно и глубоко скажет св. Тереза. «Тайна» эта, может быть, и есть тайна Римской Церкви, предсказанная ею же самой в этом страшном видении:

Господи, куда грядешь?

В Рим, чтобы снова распяться

Quo vadis, Domine?

Vado Romam iterum crucifigi.

Все отступления Римской Церкви, все папы Бонифации VIII и Александры Борджиа, – все, что казалось Лютеру и Кальвину в Римской Церкви «Антихристом», – может быть, меньше значит, чем это видение-пророчество: чтобы ей же самой о себе увидеть его и вынести, нужна была такая сила веры в свое избрание, что в силе этой лучшая порука того, что, в самом деле, «врата адовы не одолеют ее».

Есть три всемирно-исторических пути: Церковь Западная, Римская, Церковь Восточная, Православная, и Западно-Восточная, Протестантская; три Церкви – Петра, Иоанна и Павла. Все три пути ведут к Единой Церкви Вселенской, уже не только Римской, но и Римской тоже

«Значит, вы Церкви Земной не покорны?» – спрашивают Жанну д'Арк судьи-инквизиторы.

«Нет, покорна, но Богу послуживши первому, Dieu premier servi!» – отвечает Жанна.

Все, что говорят св. Тереза Иисуса и св. Иоанн Креста, – говорят они против

этого; но все, что они делают, – за это, а так как сила святости не в слове, а в деле, то вечная сила их не в том, что они о Римской Церкви говорят, а в том, что они для Вселенской Церкви делают. В этих трех словах: «Богу послуживши первому», – вечная Реформа, Преобразование Церкви, не только в протестантском и православном, но и в католическом смысле.

Так замкнут круг Реформы, от св. Жанны д'Арк, через Лютера и Кальвина, до св. Терезы Иисуса и св. Иоанна Креста.

43

В лютую гололедицу, скользкой тропинкой, на страшную кручу, как будто в самое небо, где-нибудь в Сиерре де Гредос или в Эстрамадуре, карабкаются мулы, запряженные гуськом в тяжелые телеги сестер Нового Кармеля. Вдруг лучший мул впереди спотыкается, падает сначала на колени, а потом на бок и, хотя тотчас распрягают его, весь, как подстреленная птица, трепещет и быстро-быстро дышит так, что видно, как движутся ребра его под тонкую, черную от пота лоснящейся кожей; в последний раз глубоко вздохнул, вздрогнул весь и подох. «То же будет и со мной!» – глядя на него, может быть, думает Тереза.

«О, как хотелось бы мне отдохнуть! Я всегда желала только одного – умереть спокойно». Этому желанию ее суждено было скоро исполниться.

К самым тяжелым последним годам ее относится – «любовный роман» ее с богатым, знатным и красивым молодым человеком, ученым богословом в университете Алькала, о. Джироламо Грациано. Это для нее последняя улыбка жизни перед смертью.

Ей 67 лет, но кажется иногда больше 77, а ему только 30, но кажется иногда меньше 20. Странное зрелище «бабушки, влюбленной во внука», – может быть, великий соблазн для семнадцати основанных ею женских обителей и злейшая радость для всех ее врагов. «Экая полоумная наша мать игумения!» – некогда смеялась она сама над собой, а как над ней теперь смеются другие, не страшно ли ей подумать? Нет, кажется, не очень страшно. «Я уже старушка, vejezueta... и многое могу себе позволить, но не показывайте писем моих всем, потому что после меня будут другие игумений, моложе, которые могут вообразить, что и им дозволена такая же близость с мужчинами», – пишет «бабушка» «внучку», и когда тот однажды подписывается: «сын ваш возлюбленный», то она не знает, как благодарить его. «О, как он прав!» – воскликнула я тотчас же радостно, потому что была одна». Значит, если бы тут были другие и могли ее слышать, то, может быть, застыдилась бы и даже испугалась этой слишком поздней влюбленности. Он – «сын» ее, а вместе с тем и «возлюбленный». «Он – премиленький: личико у него прелестное, и даже маленькая полнота ему ничуть не вредит, – напротив», – пишет она самым верным друзьям своим, о которых знает, что они ее не выдадут. «Вы просите, чтобы я вам открыла решетку, [9] – пишет она ему самому. – Мне, право, смешно, как вы меня мало знаете: сердца моего все тайники (в подлиннике грубее, сильнее: «внутренности мои») хотела бы я вам открыть, а не только решетку!» Что же такое влюбленность, если не это? «Жалкая старческая влюбленность», «половое безумие», *psuchopathia sexualis*, «подавленный и извращенный пол», если это скажут врачи наших дней, тем хуже для них.

Старая Бабушка, как маленькая девочка, нянчится с о. Грациано, точно с любимую восковую, крашеною куклою Ниньо: мерзнет и он, сохнет, мокнет, тает и перекрашивается заново, бедненький. Если и в этом увидят врачи наших дней только «извращенное и подавленное чувство материнства», то опять тем хуже для них.

С легким и веселым о. Грациано утешается св. Тереза и отдыхает от слишком тяжелого и страшного для нее св. Иоанна Креста. Кажется ей иногда, что в о. Грациано нашла она более послушного и верного помощника для дела Реформы, чем в о. Иоанне, и что дело это он лучше понимает, чем тот. Эти два друга, два сына Матери Основательницы, соперничают не только из-за сердца ее, но и из-за всего ее великого дела. «Самоуничтожение есть не что иное, как отречение от воли Божией», – скажет о. Грациано об о. Иоанне Креста теми же почти словами, как некогда говорила в как будто шутивом, и на самом деле очень серьезном, «испытании», vejamen, мать Тереза: «Да избавит нас Бог от людей таких духовных (как о. Иоанн), что они не допускают ничего, кроме совершенного созерцания».

Дважды будет просить Тереза о. Грациано, когда он делается начальником о. Иоанна, о «милости» для него, но тот, притворяясь, что не понимает ее, ничего ей не ответит, а, сообщая об основании новых обителей, умолчит об участии о. Иоанна в этом деле.

Но если тот соперничает с о. Грациано, то лишь в высшем порядке, где не может быть зависти, а может быть только жалость. Слишком хорошо видит у него Иоанн такую же точно, как у Обурых в их распре с Босоногими, «жажду власти и церковного вельможества». Может быть, и сама Тереза видит в о. Грациано эту «неисцелимую язву» и предчувствует, что рано или поздно он превратится окончательно в восковую куклу.

В 1578 году, в самые черные дни гонений Обурых на Босоногих, скажет она о злейшем враге своем и Реформы, генеральном викарии обоих Кармелей, о. Николае Дория: «Я его очень люблю и почитаю в Господе», и успокоит о. Грациано: «Вы ничего не увидите от него, кроме добра, он не причинит вам никакого страдания». Этому предсказанию не суждено было исполниться: Дория не только причинит о. Грациано «страдание», но и убьет его. Это лучше Терезы предсказал ему о. Иоанн, когда в Лиссабонском Капитуле о. Грациано подал голос за Дория: «Выбран им в начальники тот, кто его расстрижет». В 1592 году, за «мятеж и непослушание Церкви», о. Грациано действительно будет расстрижен, и тот, кто «избран был Пресвятой Девой Марией для восстановления Кармеля», будет скитаться нищим и умрет жалкою смертью в изгнании. «Что она со мною сделала!» – может быть, умирая, подумает с горечью «возлюбленный сын» о любящей матери.

44

В 1576 году Мать Основательница, заточенная в обители Св. Иосифа, в г. Авиле, в лютую зимнюю стужу, греет на медной жаровне окоченелые пальцы, чтобы дописать книгу жизни своей.

В 1582 году, в Бургосе, при основании новой обители, однажды в Церкви, в Великий Четверг, какие-то вельможные хамы, желая пройти вперед, столкнули со скамьи бедную, плохо одетую старушку, яснейшую донью Терезу де Агумада, правнучку леонских королей, так что она упала на пол и невольно простонала от боли в недавно сломанной и еще не совсем зажившей руке. Спутница ее, сестра Анна, кинувшись к ней на помощь, подняла ее.

«Да простит их Бог – потому что у меня уже и так рука сильно болела!» – проговорила старушка с тихой улыбкой.

В том же году, в Валладолиде, игуменья тамошней обители, Мария Баттиста, племянница Терезы, поспорив с нею из-за наследства брата ее, вытолкала ее из обители с яростной бранью и криком: «Вон, вон, чтобы духу твоего здесь больше не было!»

Так все выживало ее, точно выталкивало из жизни. Перед основанием обители в Бургосе почувствовала она вдруг такую бесконечную усталость, что ей захотелось покинуть все и уйти от всего, чтобы только умереть спокойно.

Вспомнилось, может быть, бедной Старушке, как маленькой девочкой строила она из веток, глины и камешков затворы и пустыньки в саду авильского дома, но не могла достроить ни одной: все рассыпались, точно карточные домики.

Однажды, собираясь, полубольная, в трудный путь через горы, в такую же лютую зимнюю стужу, как в те дни, когда грела на жаровне окоченелые пальцы, чтобы дописать книгу жизни своей, – усомнилась она, благоразумно ли пускаться в путь, но увидела Христа и услышала:

Стужи не бойся: я один только грею!

И этих слов довольно было ей, чтобы, вспомнив их, почувствовать вдруг, и в самую лютую стужу, такую теплоту, как у жарко натопленной печи или под летним солнцем.

В другой раз, когда ехала она с сестрами по берегу реки, тяжело нагруженные телеги их так увязали в грязи, что почти все должны были выйти из них, чтобы продолжать путь пешком, а немного времени спустя, при подъеме на гору, одна из телег, с которой сестры еще не успели сойти, накренилась так, что грозила упасть в реку. Несколько человек не могли бы удержать телегу на круче и спасти находившихся в ней. Но, в последнюю минуту, один из людей,

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
видя опасность, кинулся к телеге, схватил ее за колесо и удержал над самой кручей, в чем увидели все чудо Божье. Дальше надо было перейти через мост над рекой, поднявшейся так, что вода заливала его, а мост был так узок, что если бы телега подалась чуть в сторону, то упала бы в реку. Сестры исповедались и причастились перед этой страшной переправой.

«Не бойтесь, дочери мои, дайте мне первой перейти, а вы идите за мной!» – сказала мать-игумения и пошла вперед бесстрашно. Сделала то, что делала всю жизнь: проходила там, где никто не мог пройти, и все шли за ней, и спаслись чудом Божиим.

Ночью 24 января 1582 года, после двадцати четырех дней этого ужасного пути, добрались наконец до Бургоса. Мать-игумения вымокла под ледяным дождем так, что дольше обыкновенного сидела у огня, и это было ей так вредно, что ночью сделалась у нее сильнейшая головная боль со рвотой, и в горле нарыв, а когда он прорвался, то пошла из горла кровь, и утром не могла она встать с постели.

«Теперь, Тереза, мужайся!» – сказал ей Христос в видении.

В следующие дни долго искали приюта по всему городу и не могли найти, пока, наконец, сестры Благовещенской обители, сжалившись над ними, не поместили их на чердаке своей больницы, таком пустом и холодном, что никто не хотел в нем жить, тем более что там было множество крыс и обитала Нечистая Сила. Но хуже крыс и Силы Нечистой оказался архиепископ Бургоса, грубый, злой, привередливый и глупый старик; он сам не знал, чего хотел: то соглашался на основание обители, то отказывал. Целыми днями приходилось ждать в его прихожей все еще больной матери игумении, пока он, наконец, не утомился ее принять. Всем этим измучил он ее так, что довел до совершенного отчаяния.

«Крепкий щит Господень у меня на сердце, дочери мои, так что сколько бы дьявольских стрел ни разило меня, все они об этот щит разбиваются и сердца моего не ранят!» – хвалилась она некогда, а теперь чувствовала, что стрелы и сквозь щит проходят и ранят сердце.

45

Только что новая обитель была основана в Бургосе, как герцогиня Альба вызвала Терезу в г. Альбу, тоже для основания обители.

С давних лет герцог Альба был таким же благоговейным почитателем Терезы, как Филипп II.

«О, как бы я хотел увидеться с ней! Кажется, я сделал бы для этого сотни верст», – говорил о ней о. Грациано и, сидя в тюрьме, с умилением читал книги ее, особенно «Жизнь» и «Путь совершенства». Книги эти утешали его, но не исправляли. Зная доброе чувство герцога к ней, Тереза, по смерти его, написала его вдове утешительное послание, в котором обещала основать обитель имени герцога, и теперь надо было обещание исполнить. Приходило ли ей в голову, что святая обитель, основанная во имя герцога Альбы Кровавого, – это последнее дело Реформы, – невыносимое кошунство?

В первый раз, может быть, за все Основания, отправилась Тереза в г. Альбу уже не в бедной телеге, а в великолепной герцогской карете, но только что доехала до одного селения близ гор, Пеньяранде, как почувствовала себя так дурно, что впала в глубокое беспамятство. Чтобы немного укрепить ее, сестры не могли найти во всем местечке ни одного яйца; нашли только несколько сушеных винных ягод. Очень этим огорчалась сестра Анна.

«Дочь моя, ягоды эти пресладкие; сколько бедных людей не имеют и этого!» – утешала ее мать-игумения.

В Альбу приехали рано вечером, и хотя она почти падала от изнеможения, но хотела тотчас же приняться за хлопоты, и только по настоянию игумений и сестер той обители, где остановилась, легла в постель.

«Как я устала, как я устала! Вот уж двадцать лет, как я не ложилась так рано», – проговорила она, падая в постель, с такими же глазами, как у того издыхающего мула. Но на следующее утро, встала как всегда, пошла к обедне и причастилась. Так перемогалась, то ложась, то вставая, до Михайлова дня,

когда, вернувшись от обедни, почувствовала такую слабость, что должна была лечь и уже не вставать. Сделалось сильнейшее кровотечение из горла. Сестры окружили ее, стали на колени и начали молиться.

«Заклинаю вас, дочери мои, не желайте, чтобы я оставалась дольше на земле, – нечего мне больше делать на ней, – и не молитесь об этом, но просите для меня у Бога вечного отдыха! – умоляла и еще говорила:

– Свято храните устав нашего Братства, но с меня не берите примера: я была дурною монахиней!»

Больше чем когда-либо была она уверена, что умирает «великою грешницей», и, может быть, казалось ей, что страшное место в аду – та выдолбленная в стене, темная и тесная яма, куда ее с такую бесконечную мукою некогда втискивали и все не могли втиснуть, – теперь окажется ей как раз впору.

«Сердца смиренного и сокрушенного Ты не презришь, Боже!» – все повторяла она, но так, что видно было, не слишком на это надеялась.

«Где вы хотите быть погребенной: в родной земле, в г. Авиле, или здесь, в Альбе?» – спросил ее о. Антонио де Гередина.

«Разве у меня есть что-нибудь свое? Может быть, мне и здесь дадут немного земли», – ответила она нехотя, так что по лицу ее видно было, что лучше было бы о. Антонио об этом не спрашивать. Грубо и невежливо говорить о смерти с умирающим. Грубость эту и делает о. Антонио, но слишком строго судить его за это нельзя: самое страшное в мире и жесткое, но и самое тихое, нежное – смерть; вот почему и с нею надо обращаться нежно и тихо, но люди этого не умеют: грубо и глупо обращаются даже самые любящие со смертью самых любимых.

3 октября, в канун св. Франциска Ассизского, человека к делу св. Терезы ближайшего, в пять часов вечера, умирающая попросила ее причастить. Только что едва могла пошевелиться, да и то с помощью сестер, но, увидев священника, входившего в келью со Св. Дарами, вдруг приподнялась без чужой помощи и вся к нему устремилась так, как будто хотела вскочить с постели, и надо было ее удерживать силой. Как бы изнутри озаренное сверхъестественным светом, лицо ее сделалось таким молодым и прекрасным, каким никогда не бывало.

«О, Бог мой, Супруг мой, наконец-то я Тебя увижу!» – воскликнула она с такую блаженной улыбкой, как будто уже видела Его.

Может быть теперь, в смерти, совершилось над нею то же чудо «Поднятия на воздух», levitacion, какое совершилось и в жизни столько раз, но если тогда оно еще было сомнительно, то теперь уже несомненно: «Душу возносит Сильнейший из сильных... с такую же легкостью, с какой исполин поднял бы соломинку», «Лодочку души моей поднял как бы огромный, неистово бушующий вал» – вал последнего восторга в брачном соединении любящей с Возлюбленным: «Смерть кажется душе, в такие минуты, упоительным восторгом в объятиях Возлюбленного», – вспоминает св. Тереза о том, что было с нею в жизни.

«Смерть моя была не чем иным, как таким восторгом любви, что тело мое не могло этого вынести!» – скажет она и после кончины, явившись одному из иноков Кармеля.

«С этого дня ты будешь моею Супругою; Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг». Если и это было некогда, на земле, сомнительно, то теперь, на земле и на небе вместе, уже несомненно.

Так совершилась, в первый раз в человечестве, великая тайна – Бракосочетание человека с Богом.

46

В 1622 году Св. Престол объявил Терезу Святою, и хорошо сделал: в том, что Римская Церковь поймет, вопреки Лютеру и Кальвину, великую святость ее, – тоже порука божественного избрания Церкви, которой «не одолеют врата адовы». А Саламанкский университет еще раньше объявит Терезу «Доктором богословия». Но, может быть, главную силу и святость ее лучше всего поняли простые люди, когда называли ее просто «Матерью». Стоило им только

Мережковский Д. Св. Тереза Иисуса filosoff.org
произнести слово «Мать», чтобы все сразу поняли, о ком идет речь. Мать рождает, любит, кормит, учит детей своих в этой жизни, а в той – воскрешает: вот почему «Нет иного имени под небесами, которым надлежало бы нам спастись», кроме имени Отца, Сына и Матери. Мир, сотворенный Отцом, начал спасать Сын, а кончит – Мать.

К будущему св. Тереза Иисуса и св. Иоанн Креста обращены тою глубиной своей, в которой срослись, как вечные близнецы, нерасторжимо. Вот почему, чтобы понять, что уже сделала для нас и, может быть, сделает еще для тех, кто за нами идет, св. Тереза Иисуса, надо понять, что сделал и св. Иоанн Креста.

Примечания

1

слово Паскаля – *le roi de la Concupiscence*

2

о. Мальдональдо

3

о. Иоанна и о. Германа

4

Иоанна Креста

5

Реформу

6

иезуиты

7

сестер Кармеля

8

в неудаче Реформы

9

в обительской приемной, *parlatorio*

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!